

Брюс Кларк

АФИНЫ

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОГО
ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА

- ФИЛОСОФИЯ
- ДЕМОКРАТИЯ
- АРХИТЕКТУРА
- КУЛЬТУРА
- РЕЛИГИЯ

18+

Брюс Кларк

**Афины. История великого
города-государства**

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 94(495)
ББК 63.3(4Гре)

Кларк Б.

Афины. История великого города-государства / Б. Кларк —
«Азбука-Аттикус», 2021

ISBN 978-5-389-24477-1

Панорама Афин – одна из самых узнаваемых и насыщенных символизмом среди всех городов мира: колонны и фронтоны Парфенона – венчающего Акрополь храма, посвященного богине мудрости Афине, – царят над городом, название которого многие считают синонимом слова «цивилизация». Значение Афин – родины демократии, западной философии и театра – просто невозможно не признать. Лишь немногие города обладают историей, настолько богатой художественным творчеством и новаторскими идеями и настолько испещренной чередованием потрясений и затиший. В повествовании Брюса Кларка эпическая, калейдоскопическая история города – от юридических реформ законодателя Солона, жившего в VI столетии до нашей эры, до испытаний, обрушившихся на Афины в начале XXI века из-за последствий экономических кризисов 2000-х годов, – предстает как живая во всем своем культурном богатстве и политическом значении. «Когда западные школьники знакомятся со всемирной историей, им часто говорят, что цивилизация особенно многим обязана событиям, произошедшим на двух скалистых возвышенностях в разных частях Восточного Средиземноморья. Несмотря на общие черты, значение этих мест понимается очень по-разному. Одно из них – это иерусалимская Храмовая гора, считающаяся колыбелью монотеизма, а второе – афинский Акрополь, в драгоценных памятниках которого видят свидетельство разума, мастерства и свободы человека. Моя книга посвящена одной из этих возвышенностей и цивилизации, возникшей вокруг нее, хотя течения, берущие начало в этих двух местах, в конце концов все-таки переплелись». (Брюс Кларк) В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(495)

ББК 63.3(4Гре)

ISBN 978-5-389-24477-1

© Кларк Б., 2021

© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Введение	8
1	17
2	30
3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Брюс Кларк

Афины. История великого города-государства

Посвящается добрым афинским друзьям, направившим мои первые шаги по этому городу, когда я был подростком, и оставившим у меня самые теплые воспоминания, – в том числе Джону Литэму, Мэри Фотиади и Кристиану Каранделлу

Bruce Clark
ATHENS. CITY OF WISDOM

© Bruce Clark, 2021

© Прокофьев Д. А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2023
КоЛибри®

* * *

Великолепное произведение, использующее свидетельства очевидцев, собранные на протяжении двух с половиной тысяч лет. Повествование Брюса Кларка, которое он оттачивал десятилетиями, отличается причудливыми подробностями повседневной человеческой жизни, запоминающимися фигурами речи и искренней любовью автора к описываемому предмету.
Родрик Битон, автор книг «Греция: биография современной страны» и «Греки: всемирная история»

Замечательное достижение. Отважно выбранный грандиозный масштаб этой книги сочетается с вниманием к подробностям, позволяющим по-настоящему ощутить поразительную историю Афин вплоть до нынешнего дня.
Софка Зиновьефф, автор романа «Патни»

***

Введение

Важные скалы

Когда западные школьники знакомятся со всемирной историей, им часто говорят, что цивилизация особенно многим обязана событиям, произошедшим на двух скалистых возвышенностях в разных частях Восточного Средиземноморья. По меньшей мере с физической точки зрения у этих двух мест есть нечто общее. Оба естественных образования резко выступают из земли и увенчаны ровными от природы каменными площадками, которые можно сделать еще ровнее. Оба места были оборонительными твердынями, удобными благодаря надежным источникам пресной воды, хотя ни одно из них в конце концов не оказалось неприступным. Несмотря на эти общие черты, значение этих мест понимается очень по-разному.

Одно из них – это иерусалимская Храмовая гора, считающаяся колыбелью монотеизма, а второе – афинский Акрополь, в драгоценных памятниках которого видят свидетельство разума, мастерства и свободы человека. Эта книга посвящена одной из этих возвышенностей и цивилизации, возникшей вокруг нее, хотя течения, берущие начало в этих двух местах, в конце концов все-таки переплелись.

Разумеется, площадь, возвышающаяся над Старым Иерусалимом, стала предметом поклонения в связи с ее духовной историей, в качестве места тщательно проработанной встречи человека с единственным божеством. Вторую возвышенность ее современные поклонники по большей части отождествляют с другой историей, более сфокусированной на достижениях земных. Переливающиеся на солнце мраморные сооружения, венчающие Акрополь, почитают в качестве наиболее явных материальных остатков общества, в котором человечество, так сказать, самостоятельно встало на ноги. В современной картине мира Древним Афинам принадлежит почетное звание колыбели гуманизма.

Как нам представляется, это было общество, в котором блестящие умы вместо смиренного преклонения перед одним или несколькими богами занимались размышлениями, результаты которых были абсолютно не предрешены. Общество, в котором важные вопросы войны и мира, равно как и повседневных дел, решались во взаимодействии хорошо подготовленных умов, умевших оценивать доводы и делать выводы. Нынешние историки одобрительно отмечают то, как, по их мнению, развивалось светское понимание афинянами их собственной коллективной истории: не непредсказуемой игры, которую разыгрывают божественные силы, но взаимодействия человеческих мотивов, пусть сложного и запутанного, но в конечном счете поддающегося анализу и описанию. Современных поклонников этой цивилизации также привлекает тот факт, что основной целью существования тщательно продуманных законов и учреждений Афин было преодоление влияния сменяющих друг друга умных, честолюбивых деятелей и капризов ревнивых божеств и последовательное соблюдение интересов общества. В 2016 г., за несколько дней до передачи президентского поста Дональду Трампу, Барак Обама посетил Акрополь и сердечно заметил, что «именно здесь, на скалистых холмах этого города, двадцать пять столетий назад возникла одна новая идея». Этой восхищающей его идеей была *демократия* ... другими словами, система, в которой источником *кратос* (κράτος), то есть власти или управления, является *демос* (δῆμος), то есть народ.

Все это дает скорее верное, чем ошибочное описание золотого века Афин и его идеалов. Однако остается неназванным один важный аспект наследия этого города: Древние Афины никогда не переставали быть местом в высшей степени духовным, пространством, в котором постоянно ощущалось присутствие потустороннего. Разумеется, современный разум сосредоточивается на достижениях людей Древних Афин. Он поражается тому организационному и практическому мастерству, которое потребовалось для подъема на крутой холм такого коли-

чества блестящего мрамора и создания из сияющего гладкого камня сооружений, которые очаровывают, создавая у нас ложное впечатление симметричности. Подобно средневековым соборам, эти памятники требовали интенсивного использования мыслительных способностей человеческого разума в приложении к инженерному делу, геометрии и знаниям свойств камня. Однако нынешний разум не придает должного значения духовным аспектам Акрополя – так же, как он бывает не в состоянии осознать духовные идеи, лежащие в основе этих соборов.

На деле ни сами Афины, ни их величайшие памятники не были светскими в том смысле, в котором мы понимаем это слово сейчас. Величайший из этих памятников, Парфенон, был не зданием парламента, а храмом – в том особом смысле, который придавали этому слову древние греки. Храм был не местом молитв или жертвоприношений (они происходили вне его стен, поблизости), но зданием, в котором хранилась священная статуя, создание и установка которой сами по себе были актами благочестия.

Весь комплекс, воздвигнутый на Акрополе, был гигантским выражением почитания и благодарности, адресованных Афине, божественной покровительнице города, и другим богам. Священными были не только строения на вершине холма. Само это геологическое образование было известно под названием Иерос Брахос (Ἱερός Βράχος), Священной скалы. Демократические дебаты проходили не на Акрополе, а на соседнем холме, Пниксе, который, к сожалению, привлекает сегодня слишком немногих туристов. Более того, поразительно большая часть дел, которые рассматривались Народным собранием, касалась детального регулирования общественных религиозных практик: каким богам следует приносить жертвы, какие именно и где.

Как бы ни были древние афиняне склонны к рациональным исследованиям, по части любви ко всему мистическому они не уступали прочим эллинам, а часто и превосходили их. Именно это делает их историю столь интересной и столь туманной. Им казалось естественным видеть в некоторых элементах мира природы, от источников до целых гор, места перехода, точки, в которых человек оказывается на границе между повседневной реальностью и неким потусторонним миром. Лучшие из афинских граждан, несомненно, обладали сильным, рациональным, самокритичным умом, но обладали они и чрезвычайно сильным чувством духовного.

Учитывая форму и местоположение Акрополя, нетрудно понять, почему он всегда считался чрезвычайно важным местом перехода между мирами. Он возвышается над хорошо орошаемой равниной, окруженной четырьмя большими горами, а также холмами пониже. В древности все эти возвышенности изобиловали прекрасной растительностью. Расположенная к востоку гора Гиметт ценилась благодаря своему меду, гора Пентеликон – благодаря исключительно чистому мрамору. На безопасном расстоянии поблескивает море: оно достаточно близко, чтобы до него было легко добраться, но достаточно далеко, чтобы город не стал беззащитной мишенью для нападающих с моря завоевателей. На горизонте можно разглядеть цепочку природных гаваней, удобных для обороны. Возносить благодарственные молитвы за само существование такого великолепного места казалось делом совершенно естественным.

Но понимание святости, в том числе святости определенных мест, древними греками было, по-видимому, прямо противоположно идее монотеизма. В их представлении судьба человека определялась не единой, всемогущей божественной силой, но непрерывными переговорами между самим человеком и целым сонмом божеств. Самых главных из них было двенадцать, но их список легко можно продолжить, причем у каждого божества было по несколько воплощений, связанных с конкретными местами, населенными пунктами или аспектами его непростого характера. Боги были могущественными и бессмертными, но их страсти и пороки были чрезвычайно человеческими. Создание новых культов было делом творчества, даже почти что предпринимательства. Древнегреческая религия, как и древнегреческая политика, отличалась невероятной избыточностью.

Афинский Акрополь вместе с подножием холма и его прекрасными окрестностями давал широчайший простор для изобретательного создания культов и точек сосредоточения религиозной энергии, мест, которые сплачивали общество в моменты коллективного экстаза. Сама крепость представляла собой настоящие соты пещер и источников, и для этого есть вполне веские геологические причины. Верхний слой Акрополя состоит из известняка, образовавшегося более 100 миллионов лет назад из разложившихся панцирей ракообразных, живших в давно исчезнувшем море. Ниже лежат мергель и песчаник, образовавшиеся на 30 миллионов лет позже. Известняк оказался над мергелем под действием огромных тектонических сил, придвинувших Африку к Европе и Азии. Хотя этот известняк очень тверд, он довольно порист. Дождевая вода, обладающая слабой кислотностью, может находить места, в которых она просачивается сквозь его слой, пока не достигнет лежащей ниже непроницаемой коренной породы. В результате вся скала оказалась пронизана кружевом пещер, трещин и источников. Они не только служили практическим целям, но и воспламеняли духовное воображение бесчисленных поколений.

Нам мало что известно о религиозных практиках – да и обо всех остальных аспектах жизни – первых людей, начавших исследовать эту скалу и ее полости. Но один из древнейших объектов, найденных в окрестностях Акрополя, – это статуэтка женщины с пышными формами, созданная, как считается, до 4000 г. до н. э. Она указывает на существование сельскохозяйственного общества, в котором почитались плодородие и воспроизводство. Почти все общества, существовавшие на этом месте в последующие эпохи, придавали большее значение небесным или горным богам с мужскими характеристиками, либо же богиням, обладавшим довольно мужеподобными чертами. На основе этого контраста были построены целые религиозные теории, хотя судить о слишком многом, исходя из одной-единственной археологической находки, – дело небезопасное.

Что мы точно знаем об этом неолитическом народе, так это то, что эти люди умели находить и извлекать воду. На северо-западном краю Акрополя были найдены около двадцати двух неглубоких колодцев, которые датируются периодом между 3500 и 3000 гг. до н. э. В следующем тысячелетии те общества, которые вырыли эти колодцы, исчезли, но в среднем бронзовом веке, после 2000 г. до н. э., человеческое поселение возникает снова, а где-то между 1400 и 1300 гг. до н. э. Афины начинают играть роль в великой микенской цивилизации, расцветшей в виде царских дворов, рассеянных по всему греческому миру.

Укрепленный дворец на афинском Акрополе не был величайшим из этих дворов, но к 1250 г. до н. э. он мог похвастаться весьма солидными оборонительными стенами, до 10 метров в высоту и до 5 метров в толщину; части этих стен можно видеть до сих пор. Эти громадные груды валунов называют циклопической кладкой, потому что позднейшим поколениям казалось, что сложить их могли только мифические великаны, подобные одноглазому циклопу, описанному в эпической поэзии Гомера. Художники изображают этот дворец в виде величественного многоэтажного комплекса, в котором царь распоряжался загруженными работой чиновниками, а также подвозом, обработкой и вывозом всевозможных товаров. Но это лишь догадки, основанные на найденных оборонительных сооружениях и фундаменте грандиозного здания.

По всей вероятности, правитель Афин микенского периода не управлял даже окрестной Аттикой, где были выявлены несколько разных владений, в каждом из которых были особые похоронные ритуалы. Некоторые из этих соседних миниатюрных царств богатели на экспорте серебра и свинца из рудников в Лаврионе на юге Аттики. Однако, судя по скудности афинских артефактов и захоронений, в микенский период Афин такое процветание не коснулось.

На северо-западной стороне Акрополя есть один особенно интересный колодец, известный под названием Микенского источника. Он находится на дне головокружительной 35-метровой расселины, образовавшейся, когда от поверхности отделился кусок скалы. Около 1200 г.

до н. э. была построена лестница из восьми пролетов, отчасти деревянных, а отчасти каменных, по которой те, кому хватало храбрости, могли спуститься к колодцу. Судя по всему, им пользовались в течение всего двадцати пяти лет, после чего шахта обрушилась.

В следующем веке наступил необъяснимый крах и всего микенского мира; начался период, который потомки назвали Темными веками. Лишь примерно три тысячи лет спустя, когда молодые бойцы греческого Сопrotивления искали способов нападения на нацистов, только что оккупировавших Афины, это поразительное, головокружительное отверстие в скале вновь обрело стратегическое значение.

Что бы ни происходило на поверхности Скалы, можно смело предположить, что люди никогда не прекращали ни исследовать ее пещеры, ни интересоваться божественными или полубожественными основателями города, с которыми эти пещеры могли быть связаны. Именно в них первые афиняне находили способы объяснения взаимосвязей между своим собственным существованием и жизнями богов и полубогов.

Сейчас, как и в древности, существует тропа под названием перипатос (это слово и означает попросту тропу), проходящая вокруг части скалы; с нее хорошо видны основные полости. Одну, так называемую пещеру В, считали местом, в котором Аполлон, бог света и пророчеств, овладел Креусой, юной смертной женщиной, отцом которой был царь Эрехтей, основатель города. В результате этой связи родился Ион, прародитель ионических греков, с которыми афиняне ощущали тесную связь, хотя те по большей части жили по другую сторону Эгейского моря.

Соседняя пещера С была обиталищем величайшего из небесных богов, громовержца Зевса. Его могущество было так велико, что его присутствие ощущалось и глубоко под землей, а не только в грохоте, раздающемся с небес. Смежная с ней пещера, заново открытая всего лишь столетие назад, связана с весьма конкретными событиями классической греческой истории. Она была посвящена похотливому козлоногому богу Пану, которого благодарные афиняне считали виновником сумятицы, возникшей в персидских войсках, вторгшихся в Грецию в 490 г. до н. э.¹

Если пройти чуть дальше, можно увидеть пещеру, связанную с богиней любви Афродитой и ее сыном Эротом. В северо-западной части Скалы, куда нелегко дойти пешком, находится самая большая из всех пещер: ее ширина составляет 14 метров. Она посвящена еще одному персонажу легенд об основании города – Аглавре, дочери царя Кекропа, которая погибла ради спасения города, бросившись вниз со Скалы. Как мы еще увидим, в мифологии ранних Афин есть несколько историй о царе (изображаемом в виде получеловека-полузмея или со змеями) с двумя или тремя дочерьми, которые гибнут ради спасения города, бросившись вниз с Акрополя.

Ассоциация со змеями была выражением веры афинян в то, что они произошли из земли, что они были в буквальном смысле коренным населением города и никогда не жили ни в каком другом месте. Змеиную природу приписывали царям по имени Кекроп, либо Эрехтей или Эрихтоний². Иногда утверждается, что Кекроп был пращуром Эрехтея, а Эрехтей – дедом Эрихтония. Но на самом деле все это может быть вариациями одной и той же традиции, точное знание которой оказалось покрыто мраком.

Помнили афиняне и еще одного древнего царя, которого считали реальной личностью, хотя он и превосходил всех смертных силой и изобретательностью. Тесей был своего рода сверхчеловеком, и его роль в качестве предка афинян, кажется, возрастала по мере роста уве-

---

¹ От имени Пан произошло слово «паника» и родственные ему слова в европейских языках (*англ.* panic, *фр.* panique и т. д.). – *Примеч. перев.*

² По меньшей мере в имени Эрихтония есть явные следы корня *хтон* (χθόν), отсылающего к земле и, по ассоциации, к существам или людям, выходящим из земли. – *Здесь и далее, если не указано иное, а также за исключением ссылок на русские издания, примеч. автора.*

ренности города в собственном величии. История Тесея – это в некотором смысле гротескное повествование о соперничестве отца с сыном, в котором мать героя остается лишь на заднем плане.

Начинается она с афинского царя Эгея, который, будучи в гостях у другого государя, царя Трезена Питфея, признается, что его печалит собственная бездетность. Питфей тут же предлагает гостю свою дочь Эфру; та вскоре беременеет, хотя отцом ребенка, которого она носит, возможно, был бог моря Посейдон. Эгей возвращается в Афины, явно учитывая возможность, что от этой кратковременной связи у него может появиться сын и наследник. Он прячет под гигантским камнем свои сандалии и меч и говорит Эфре, что, когда их сын вырастет, он должен сдвинуть скалу и найти эти предметы, которые послужат доказательством его царского происхождения. Тесей воспитывается у Питфея, взрослеет и действительно достает спрятанные Эгеем сокровища и отправляется в Афины, чтобы заявить о своих правах на царский трон. По пути он совершает шесть подвигов, в том числе убивает гигантскую свинью и сбрасывает в море разбойника, который заставлял всех проезжающих путников мыть ему ноги³. В Элевсине Тесей убивает местного царя, который заставлял иноземцев вступать с ним в борьбу, а потом убивал их. Но когда он прибывает в Афины, отец, на которого рассказ о его подвигах не производит впечатления, не узнает в нем сына. Зато Тесея узнает жена Эгея Медея; чтобы не дать ему стать наследником престола вместо ее собственного сына, она пытается его отравить.

Таким образом, Тесею нужно и дальше доказывать свою доблесть. Как знает любой любитель мифологии, величайшим его подвигом было сведение счетов с критским царем Миносом и убийство Минотавра, подземного чудовища, ежегодно требовавшего себе в дань семь прекрасных юношей и семь прекрасных девушек, цвет афинской молодежи. Тесей, обещавший поднять на обратном пути в Афины на своем корабле белый парус, если его экспедиция будет успешной, почему-то забывает это сделать, и Эгей бросается со скалы в море, которое получает после этого название Эгейского.

Эгей не сразу признал существование сына, не говоря уже о его достоинствах, но хотел сына живого, а не мертвого. Возможно, однако, это чувство не было взаимным. Возможно, миф о Тесее – не только душераздирающая история о двойственных родственных чувствах, но и отражение событий, произошедших на самом деле. Начиная приблизительно с 1400 г. до н. э. Центральная Греция переняла у Крита роль эпицентра эллинистической цивилизации и сохраняла ее в течение пары веков, вплоть до загадочного краха.

Афины, как и остальной греческий мир, начинают снова появляться в исторических записях около 800 г. до н. э.: в это время растут их благосостояние и численность населения; благодаря внедрению фонетического алфавита, которым с тех пор и по сей день записывается греческий язык, снова расцветает грамотность.

Главную роль в эту эпоху играет уже не дворец, а *полис* (πόλις) – что можно приблизительно перевести выражением «город-государство». Один активный город мог породить множество других, отправляя группы предприимчивых мореплавателей, которые основывали колонии на расстоянии до тысячи миль. Вскоре появились сотни полисов; они образовали греческое культурное пространство, простиравшееся от Корсики до Черного моря. Единого политического образования, которое называлось бы Грецией, не было ни тогда, ни позже – на протяжении еще трех тысячелетий. Но городские общества греческой культуры, построенные вокруг своих агор, то есть открытых пространств, на которых договаривались, общались и торговали, распространились по всему Средиземноморью. Эти микрообщества не были монархиями, управляемыми государями по божественному праву; в них существовали процедуры при-

---

³ А затем тоже сбрасывал в море, где их пожирала гигантская черепаха. Имя разбойника было Скирон; выше речь идет о Кроммионской свинье. – *Примеч. перев.*

нения решений, не всегда вполне демократические, но тем не менее требовавшие достижения компромисса и согласия.

Такая чрезвычайно сильная политическая фрагментация культурно единого пространства была отчасти следствием географических особенностей Греции. Ее ландшафт полон оголенных вершин, отделяющих один участок относительно плодородной земли от другого, и мелких портов, гнездящихся у подножия вздымающихся ввысь гор. В таких условиях путешествия по бурному морю, несмотря на все их опасности, оказывались легче, чем переходы по суше.

Несмотря на физическую и политическую разобщенность, у греков было несколько общих черт, объединявших их, дававших им ощущение общности, которое в определенных обстоятельствах могло выступать на первый план. Все они говорили более или менее на одном и том же языке. Все любили поэзию Гомера, использующую этот язык для создания потрясающих описаний приключений вовсе не непогрешимых, очень земных богов и героических мужей, испытывавших пределы отваги и предприимчивости. Таким образом, у них были общие религиозные и культурные ориентиры.

Начиная приблизительно с 776 г. до н. э. у них были еще и Олимпийские игры, самое знаменитое из спортивных празднеств, в которых мог участвовать любой из греков. Победители этих напряженных, но управляемых правилами соревнований пользовались огромным престижем; кроме спортивных состязаний Игры были еще и мероприятием религиозным. Великолепно поставленные пышные религиозные церемонии были не менее важной их частью, чем состязания по метанию диска или бегу. Да и сами соревнования были выражением почитания божественных сил.

В целом Олимпийские игры были приношением отцу богов Зевсу, но это не мешало устраивать по мере их развития и более скромные святилища других богов. В Олимпии, как и в других местах, греки встречались друг с другом, признавая и укрепляя свою общность, даже и в форме соперничества. Это соперничество могло проявляться в спортивных состязаниях между отдельными атлетами, в стычках между городами-государствами или даже в религиозном соперничестве по привлечению наибольшего числа последователей к тому или иному культу.

По сравнению с другими городами-государствами тот, который вырос вокруг афинского Акрополя, обладал явными преимуществами. Во-первых, это был не просто город, а целый регион. Начиная с 800 г. до н. э. судьбы Афин и окружающей город области – Аттики – с ее горами и равнинами каким-то образом переплелись друг с другом. Между разными частями Аттики могли возникать ужасающие раздоры, перемежавшиеся стычками межклассовой борьбы. Тем не менее в конечном счете жители Афин и гораздо более крупной Аттики ощущали, что принадлежат к одному и тому же политическому образованию. Афины были не просто городским поселением, но центром целого региона, Аттики, простиравшегося на юг до самого Эгейского моря и охватывавшего около 4000 квадратных километров территории.

Это была своего рода целая страна в миниатюре с большим разнообразием ландшафтов, среди которых было и некоторое количество пахотных земель, а также гораздо более обширные участки, на которых можно было выращивать и перерабатывать оливки и виноград. Ближе к южной оконечности полуострова имелись богатые залежи серебра. Красная глинистая почва не была особенно плодородной, зато идеально подходила для производства высококачественной керамики, украшение которой стало одной из главных специальностей этого региона.

Коллективное самосознание афинян основывалось на богатой и убедительной смеси перекрывающихся и иногда противоречащих друг другу историй: историй, в которых капризы богов или природных сил, в которых видели божественное вмешательство, взаимодействовали с судьбами земных или полужемных царей. Этих правителей считали историческими персонажами и общими предками афинян.

Повествования, которые они использовали для объяснения своего происхождения, разворачиваются в некоем пограничном пространстве между миром человеческим и миром божественным и представляют собой смесь очаровательного, ужасающего и поучительного. Миф о Тесее был лишь одним из многих мифов. Главной покровительницей города была богиня Афина, олицетворявшая в равной мере мудрость, мастерство – в том числе ткацкое – и воинскую доблесть. Исследователи спорили о том, происходит ли название города от ее имени или наоборот, и пришли к выводу, что второй вариант более вероятен.

С самого момента рождения Афина была одарена качествами, считающимися в традиционных обществах мужскими и женскими. Само ее явление на свет было событием весьма странным. Отца богов Зевса предупредили, что его превзойдет его второй ребенок. Поэтому, когда от него понесла нимфа Метида, он, чтобы не рисковать, просто проглотил ее. Но вскоре его стали одолевать ужасные головные боли. Многие предлагали Зевсу свою помощь, в том числе бог огня Гефест, занимавшийся кузнечным делом. Но Афина попросту вышла из головы отца богов, потрясая копьем.

В разных местах и на разных исторических этапах Афина проявляла разные аспекты своей непостоянной личности. В Илиаде Гомера она была хитроумной помощницей ахейцев, как называют греков, сражавшихся в Троянской войне. В Одиссее она сходным образом помогает главному герою. Ее считали своей главной покровительницей еще несколько городов помимо Афин, в том числе Спарта, но лишь один город носил ее имя. Гомер часто описывает ее эпитетом *глаукопис* (γλαυκῶπις), который может означать «синеглазая», «синеокая», «сероглазая» или «светлоокая» либо же может быть связан со словом *глаукс* (γλαῦξ) – названием совы, большеглазой птицы, служившей одним из символов мудрости Афины.

В военное время богиня называлась Афина *Промехос* (Πρόμαχος – «сражающаяся в первом ряду») и олицетворяла не просто кровопролитие и зверства войны, но хитрые военные маневры и благоразумную стратегию. Грубое дело человекоубийства было в большей степени поприщем ее брата Ареса, бога войны, к которому афиняне относились с меньшим почтением. Афина Эргана (Εργάνη – «труженица») была покровительницей искусных мастеров и мастериц. Иногда же подчеркивалось ее непреходящее девство – тогда она была Афина *Парфенос* (Παρθένος – «непорочная»).

Хотя основным местом ее обитания стали Афины, у нас есть завораживающие, хотя и обрывочные свидетельства, относящиеся к самой заре греческой истории, которые показывают, насколько всеобщей была любовь к этой богине. В Кноссе, великой критской крепости, покинутой около 1400 г. до н. э., найдена надпись, в которой упоминается богиня Потния (то есть госпожа) Атана. Надпись эта выполнена линейным письмом Б, древнейшей формой письменности греческого языка, расшифрованной только в середине XX в.

Возникает вопрос: как же эта богиня, почитавшаяся в столь многие разные эпохи и в столь многих разных местах, оказалась связана с одним конкретным городом? Афиняне давали этому разные объяснения, и все они связывали потусторонний мир богов с их собственным образом жизни и общественного устройства. В одной из таких историй речь идет о состязании, которое должно было определить, кто будет главным покровителем Афин.

Центральную роль в этом повествовании играет полузмей, царь Кекроп. Призвав его в свидетели, Афина и бог морей Посейдон состязались за роль главного защитника города. Посейдон ударил своим трезубцем в каменную поверхность Акрополя, и из земли забила струя соленой воды. Дар Афины был более утонченным. Прямо на глазах у Кекропа она вырастила невиданное ранее выносливое дерево с мелкими серо-зелеными листьями. Получаемые из него многочисленные продукты, от масла до мыла, были гарантией от бедности и основой процветающей торговли. Зевс выбрал арбитров, решивших исход этого состязания. По некоторым рассказам, решение принимал весь сонм олимпийских богов. В других версиях выбор остался

за Кекропом. Так или иначе, исход был ясен. Афина победила, хотя и Посейдона в городе тоже почитали.

Возможных интерпретаций этой легенды не меньше, чем версий того, что именно в ней произошло. Возможно, высеченная Посейдоном струя соленой воды была неприятным напоминанием о наводнениях, оставивших глубокий след в коллективной памяти всех ближневосточных народов. Как бы то ни было, победа Афины говорит о том, что в число ценностей города входили глубокие размышления, утонченная культура и превосходное качество его продукции, в том числе отличного масла, хранившегося в искусно сделанных керамических сосудах.

Вряд ли можно переоценить важность оливы и ее даров для жизни и экономики античного города. Оливковое масло блестело на телах атлетов и горело в лампах, освещавших ночные процессии; оно давало растущему населению города большую часть необходимых витаминов. Для перевозки этого масла, как и других товаров, в удаленные места афинянам нужно было покорить моря. Но их отношение к морю, которое может быть то зеркально гладким, то, в следующий же миг, ужасающе бурным, всегда было смешанным. Даже для зарождающейся морской державы Посейдон был богом, внушающим ужас не в меньшей мере, чем любовь.

В воображении афинян существовала и другая, еще более странная версия связи между змееподобным основателем города и его божественной покровительницей. Говорят, что Афина явилась к богу-кузнецу Гефесту и попросила сделать ей доспехи. Он воспылил страстью к своей прекрасной гостье, но та отвергла его домогательства и убежала. Капля семени похотливого бога попала на ногу Афины, которая вытерла ее клочком шерсти.

Упав на землю, эта жидкость оплодотворила почву, и из нее родился мальчик по имени Эрихтоний или, возможно, Эрехтей. Афина подобрала ребенка и принесла его в ларце трем дочерям Кекропа. Те взглянули на младенца и увидели, что его тело переплетено со змеей – или даже несколькими. В этой легенде утверждается, что две из трех сестер бросились с Акрополя и погибли от ужаса, вызванного пресмыкающимся спутником ребенка⁴.

Вырастила мальчика сама Афина, которую не так сильно беспокоили существа смешанных видов. Царь Эрехтей, живущий в Афинах под особым покровительством Афины, упоминается и в Илиаде Гомера. О нем говорится лишь вскользь, но афиняне очень гордились этим упоминанием. (Разумеется, его мог коварно вставить в текст какой-нибудь афинянин, когда создавался окончательный вариант Илиады.)

...Град велелепный Афины,
Область царя Эрехтея, которого в древние веки
Матерь земля родила, воспитала Паллада Афина,
И в Афины ввела, и в блестящий свой храм водворила,
Где и тельцами и агнцами ныне ее убажают
Чада Афин при урочном исходе годов круговратных ...⁵

Результатом соперничества между Афиной и Посейдоном был, по-видимому, своего рода вечный компромисс между двумя божествами, олицетворявшими разные грани величия города, но главная роль осталась за Афиной. В одном памятном мифе говорится о поединке между царем Эрехтеем, пасынком Афины, и царем Эвмолпом, который был сыном Посейдона. Эрехтей гибнет в результате землетрясения, вызванного Посейдоном, и после этого личности

⁴ «Говорят, что Аглавре и ее сестрам, Герсе и Пандросе, Афина дала Эрихтония, положив его в ящик и запретив им любопытствовать, что там положено. Пандроса, говорят, послушалась; ее же две сестры, открыв ящик, сошли с ума, увидав Эрихтония, и бросились вниз с Акрополя, там, где он был особенно крутым» // *Павсаний. Описание Эллады*. Кн. I–IV / Пер. с др. – греч. С. П. Кондратьева. СПб.: Алетейя, 1996. С. 70. – *Примеч. ред.*

⁵ Илиада. Песнь вторая. Пер. с др. – греч. Н. И. Гнедича.

Эрехтея и Посейдона в некотором роде сливаются воедино. Афина велит вдове царя Праксифее остаться на Акрополе и служить жрицей двум божествам – ей самой, покровительнице города, и Посейдону-Эрехтею. Отсюда становится ясно, почему, когда упоминания об Афинах появляются в письменной истории, со Скалой ассоциируются два основных религиозных культа – культ Посейдона-Эрехтея и культ Афины *Полиады* (Πολιάς – «городская»), то есть покровительницы города.

Нынешнему разуму трудно понять, что такое была Афина. Смотря по тому, с какой теорией вы согласны, она была либо феминистской героиней, либо грубой мужской выдумкой, чем-то средним между умной старшей сестрой и всеобщей матерью для воинов, путешественников и ремесленников. Она расторопно вмешивалась в дела людей, оказывая своевременную помощь самым разным предприимчивым персонажам, попадавшим в затруднительные положения. Эта богиня любила выручать воинственных мужей, в том числе воинов, в особенности когда они и сами не сидели сложа руки, а проявляли отвагу и изобретательность. У нее были любимчики среди греческих воинов, описанных в Илиаде. Она восхищалась изворотливостью героя Одиссея и, являясь разным людям в разных обликах, как мужских, так и женских, помогала ему в его обратном путешествии на Итаку. Кроме того, во многих важных отношениях она была бесполой. Ее собственное явление на свет – когда она вышла, полностью вооруженной, из головы Зевса, – произошло совершенно в обход обычного рождения ребенка женщиной. Этот образ резко контрастирует с основополагающим мифом христианства. В христианской истории женщина родила сына, не имевшего земного отца. Зевс же, напротив, был мужчиной, произведшим на свет дочь, у которой не было матери, потому что он же ее и пожрал. Что же до самой Афины, ей, по-видимому, было неинтересно беременеть и рожать обычным способом. Преследуя ее, похотливый кузнец Гефест лишь понапрасну тратил силы.

Фигура Афины интриговала отца психоанализа Зигмунда Фрейда; на его письменном столе стояла маленькая бронзовая статуэтка богини. Сохранившееся на всю жизнь увлечение покровительницей Афин подстегнуло и его первое посещение Акрополя в 1904 г.: встреча с материальной реальностью мифов Древней Греции, которые он учил в школе, произвела на него ошеломляющее впечатление. О бронзовой статуэтке много говорилось в его диалогах с одной из пациенток, американской писательницей Хильдой Дулитл. По-видимому, Фрейд считал, что именно покровительство Афины позволило его еврейской семье успешно бежать из Вены, когда туда пришли нацисты. Дулитл же подозревала, что приверженность атавистическим еврейским семейным ценностям побуждала его смешивать Акрополь с иерусалимской Храмовой горой.

По мере роста уверенности в себе жителей Афин, да и всей Аттики увеличивалось и великолепие памятников, которые они воздвигали в честь своей покровительницы. Для рядовых жителей этого древнего города Афина была той, во имя кого они сражались; той, ради кого они изготавливали ткани и другие изделия; той, кто вдохновляла их, когда они рассуждали, спорили и пытались познать материальный мир.

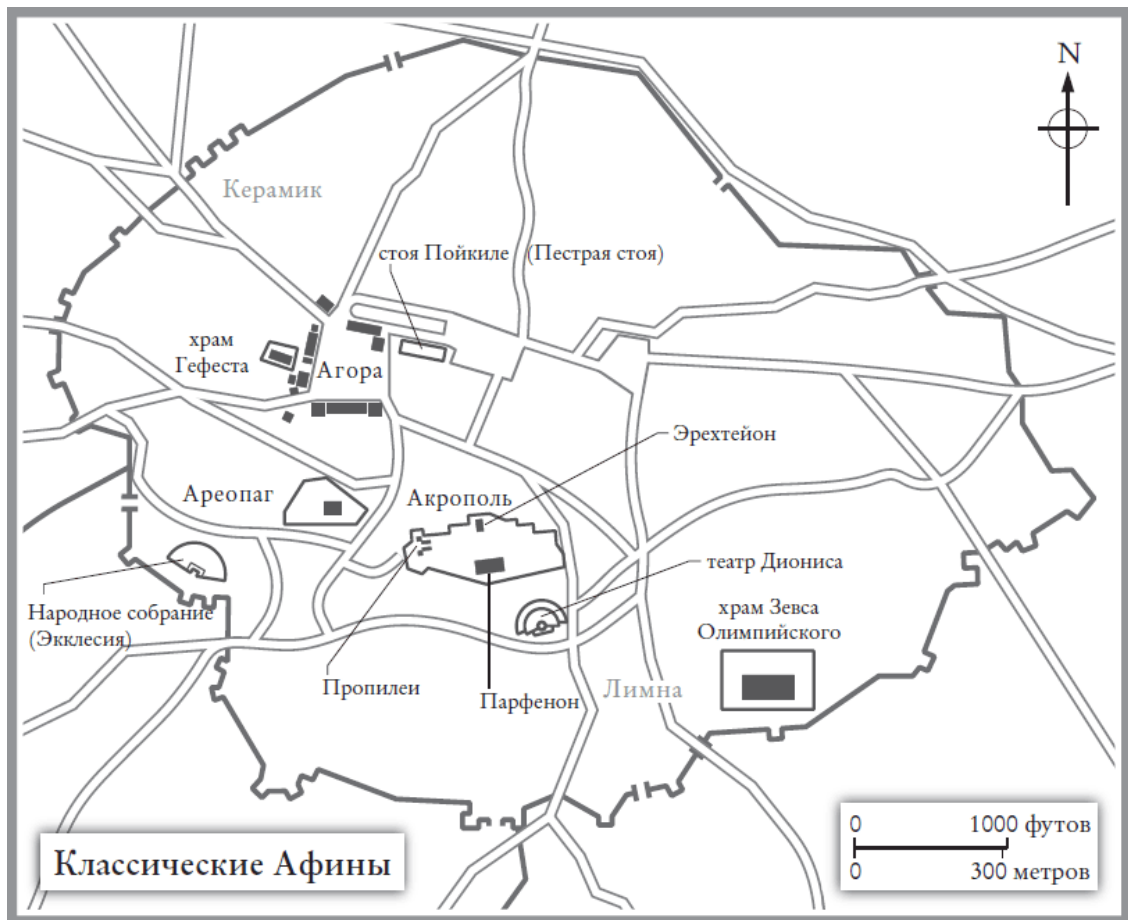
1

Начало величия (600–500 до н. э.)

Неясная роль архонтов. – Попытка переворота Килона: первый случай борьбы за власть в Афинах. – Реформам Солона не удается обеспечить Афинам стабильность. – Популистское правление Писистрата: благотворная тирания и учреждение Панафинейских игр. – Вмешательство Спарты кладет конец хаотической тирании его сына Гиппия. – Клисфен свергает проспартанскую олигархию и создает устойчивые демократические институты, способные выжить в периоды войны и мира

Афины поздно присоединились к волне творческой энергии, прокатившейся по всей Греции начиная с VIII в. до н. э. К 600 г. до н. э. предприимчивые мореплаватели с Эвбеи, длинного острова, вытянувшегося параллельно берегу к северу от Афин, уже основали на Сицилии процветающие греческие колонии. В утонченном процветающем мире Лесбоса, острова, находящегося в восточной части Эгейского моря, создавались прекрасные произведения лирической поэзии. В близлежащей континентальной Анатолии разрабатывались научные теории. Но афиняне все еще не основали ни единой колонии. Если и была сфера деятельности, в которой жители Афин и их окрестностей, по-видимому, преуспевали с самых древних времен, это было государственное управление.

Политические проблемы, с которыми сталкивался этот регион, были примерно такими же, как и в десятках других греческих поселений. По мере роста численности населения и разнообразия экономики возникали противоречия между состоятельными старыми семьями, которые контролировали большую часть земли, и вновь образующимися группами торговцев, предпринимателей и крестьян, как успешных, так и прочих. Во многих местах власть старых элит оспаривали или даже отбирали *тираны* (τύραννος), утверждавшие, что защищают интересы тех, с кем существующие порядки обходятся несправедливо. Такие новые правители не обязательно бывали жестокими или деспотичными; не претендовали они и на мистический ореол абсолютных монархов. Их появление было симптомом болезней роста всего эллинского мира.

Однако в Афинах дела обстояли еще несколько сложнее и интереснее. Там разрабатывались изобретательные методы дипломатического согласования противоречивых притязаний старых и новых классов. Создавались институты и должности, функции и полномочия которых быстро изменялись по мере изменения нужд общества.

Еще в VIII в. до н. э. повседневное управление жизнью Афин было поручено уважаемым горожанам, которые назывались архонтами. Сначала их было трое, и выбирались они из числа аристократов на десятилетний срок. В их обязанности входило руководство общественными церемониями и ведение войны. Затем срок их пребывания в должности был сокращен до года, причем соответствующий год называли именем одного из архонтов. Число архонтов увеличилось до девяти. Точно определить круг их обязанностей было трудно.

Такое устройство укрепляло могущество старых родов города и в то же время предотвращало монополизацию власти каким-либо одним человеком. Как мы увидим, первое ясно записанное в истории Афин событие, так называемая Килонова смута, наглядно иллюстрирует некоторые устойчивые черты жизни развивавшегося города. На его примере можно видеть, что почтенные семейства, аналогичные Сесидам в Англии⁶ или, может быть, Кеннеди или Бушам в Америке, принимали регулярное, но не всегда мирное участие в делах Афин, хотя их положению часто угрожали стремящиеся к авторитарному правлению популисты. Не менее замечательно и то, насколько священным считался Акрополь, хотя самые древние святилища на Скале и были чрезвычайно скромными по сравнению с теми, которые появились там впоследствии.

⁶ Имеется в виду разветвленный род потомков Уильяма Сесила, первого барона Берли, одного из наиболее приближенных советников королевы Елизаветы I. Среди членов этого семейства, носивших титулы графов (впоследствии маркизов) Эксетер и Солсбери, было много видных политиков, в том числе два премьер-министра. – *Примеч. перев.*

Эти древнейшие в афинской истории – а не мифологии – события касаются попытки переворота, которую предпринял уверенный в своих силах молодой человек по имени Килон. Он прославился по всей Элладе победой в состязаниях по бегу на Олимпийских играх 640 г. до н. э. и женился на дочери тирана, правившего близлежащим городом Мегара. В 632 г. до н. э. он попытался последовать примеру тестя, собрав ораву вооруженных сторонников и захватив Акрополь. Однако завоевать поддержку горожан ему не удалось, и мятежники вскоре оказались изолированными и осажденными. Килону и его брату удалось бежать. Прочие участники восстания укрылись на Скале в святилище Афины, которое считалось местом священным и, следовательно, неприкосновенным убежищем. Всякий, совершивший убийство в месте, столь тесно связанном с богами, был бы виновен в ужасающем святотатстве.

Задача подавления восстания выпала на долю архонта того года, некоего Мегакла, который принадлежал к роду Алкмеонидов, одному из знатнейших аристократических семейств Афин. Согласно одной из версий этой истории, аристократ Мегакл убедил мятежников спуститься с холма и предстать перед судом. Те сошли вниз, держась за веревку, привязанную к статуе Афины, поскольку считали, что так они по-прежнему сохраняют связь с ее защитной силой.

Другими словами, они были уверены, что, пока они даже самым косвенным образом остаются под покровительством богини, никто не причинит им вреда. Однако веревка порвалась, и мятежников тут же перебили – причем некоторых из них забили камнями. В 2016 г. археологи, работавшие в порту Фалер, нашли массовое захоронение приблизительно восьмидесяти молодых мужчин, многие из которых, прежде чем погибнуть насильственной смертью, были скованы друг с другом. Возможно, это были люди Килона.

Возможно, эпизод с веревкой был лишь позднейшим украшением истории. С большей уверенностью можно утверждать, что мятежники были убиты в месте, которое и они, и другие считали находящимся под религиозной защитой, будь то со стороны Афины или других божественных сил. Мегакл и другие главы разветвленного клана Алкмеонидов предстали перед судом, были признаны виновными в святотатстве и навечно изгнаны из Афин. Их род еще далеко не сказал своего последнего слова, но ощущение того, что он был в некотором роде проклят или запятнан, окончательно не изгладилось уже никогда.

Эти события говорят нам о том, что с самого начала дошедшей до нас в записях истории города борьба за власть в нем была многогранной. В отличие от других частей Греции в Афинах дело никогда не сводилось к простому двустороннему противоборству между старой аристократией и автократами, дававшими волю нуворишам. Начиная с очень ранних этапов истории города в нем существовали прочные общественные институты, предназначенные для соблюдения интересов нескольких разных сторон, а также сложные религиозные правила, которые могли налагать ограничения на поведение жителей. Предсказать конечный результат никогда не бывало легко.

Если Килон был первым неудавшимся тираном города, то первым ярким персонажем и эффективным правителем в истории Афин был поэт и государственный деятель по имени Солон. Около 594 г. до н. э. он был на год избран архонтом. Биографы Солона, писавшие по меньшей мере через 150 лет после его правления, приписывают ему необычайное сочетание талантов, от художественных до административных. Он был и воином, и философом, и странствующим мудрецом, и гениальным политиком.

Дошедшие до нас сведения о его жизни не вполне складываются в цельный, правдоподобный образ живого человека. Но у нас создается впечатление о человеке вдумчивом, принимавшем рациональные меры в критические моменты жизни города. Его взвешенные действия не позволили Аттике распасться на части или погрузиться в анархию, хотя порой это казалось почти неминуемым.

По-видимому, можно считать вполне установленным тот факт, что еще до прихода к политической власти Солон подтолкнул изнуренный войнами город к борьбе с соседней Мегарой за близлежащий остров Саламин, – борьбе, в которой Афины одержали верх. Судя по всему, он добился этого благодаря сочетанию военных хитростей и мобилизующих стихов⁷.

Укрепив региональное положение города, Солон отчасти разрядил существовавшее в нем внутреннее напряжение при помощи разумного регулирования экономики и уравнивающих положение общества политических мер. Он унаследовал ситуацию, в которой растущее неравенство легко могло вызвать революцию. По мере расширения успешных и разорения бедных хозяйств росло число нищающих домовладельцев, которые увязали в долгах и были вынуждены заниматься кабальным трудом. Некоторых продавали в рабство в отдаленные места. Страна была усеяна деревянными или каменными столбами, отмечавшими земельные участки, заложенные для уплаты долгов.

Понять, как возникло такое положение вещей, или найти его аналоги в других исторических эпохах, нетрудно. Пока живет система, концентрирующая власть в руках общепризнанного аристократического класса, ожидающего от нижестоящих служения и верности, но дающего им взамен некоторую защиту, в ней существует определенный самостабилизирующийся порядок. Когда же в систему начинают поступать новые деньги, полученные в результате коммерческой или производственной деятельности, их экономическое могущество проявляется более безжалостно, без признания нравственных обязательств по отношению к низшим слоям.

Атика, которую унаследовал Солон, была, по-видимому, на пороге перехода от первого типа общественного устройства ко второму; именно это делало интересной ее политическую жизнь, насколько мы можем о ней судить. Более того, на протяжении всей истории Древних Афин в них, видимо, сосуществовало замечательное множество разнообразных классов и субкультур, от старых аристократических родов, которые никогда не покидали политической сцены, до вольноотпущенников, богатевших на новомодных коммерческих предприятиях. Видя, что стремление к наживе, того и гляди, приобретет неконтролируемые масштабы, Солон предусмотрительно выбрал нечто среднее. Он не распорядился об отмене всех долгов мелких крестьянских хозяйств⁸, но запретил использовать людей в качестве обеспечения займов и каким-то образом собрал средства для выкупа афинян, проданных в рабство в другие страны. Кроме того, Солон предпринял поразительно решительную для своего времени попытку расширения круга граждан, принимающих участие в политической жизни. Для начала он признал реальное положение вещей: что новые деньги порождают новые политические ожидания. Отправной точкой его реформ было разделение граждан мужского пола на четыре категории в зависимости от размеров их земельной собственности и количества сельскохозяйственной продукции, получаемой с нее ежегодно.

К самому богатому классу относились те, чье хозяйство производило более 500 мер⁹, приблизительно эквивалентных бушелю, зерна¹⁰. Далее шел класс всадников, производящих

---

⁷ Речь идет о патриотической элегии «Саламин», написанной Солоном. По преданию, после многочисленных поражений призывы к продолжению войны за Саламин были запрещены в Афинах под страхом смерти, и, чтобы прочесть свою элегию, Солон вынужден был прикинуться сумасшедшим. Его выступление произвело на афинян такое впечатление, что они отменили прежний закон и назначили Солона военачальником. – *Примеч. перев.*

⁸ Как и во многих других случаях, на этот счет существуют разные версии. Плутарх пишет: «Первым актом его государственной деятельности был закон, в силу которого существовавшие долги были прощены и на будущее время запрещалось давать деньги в долг “под залог тела”. Впрочем, по свидетельству некоторых авторов, в том числе Андротгона, бедные удвоившись тем, что Солон облегчил их положение не уничтожением долгов, а уменьшением процентов ...» (Пер. с др. – греч. С. И. Соболевского. Цит. по: *Плутарх. Сравнительные жизнеописания*: В 3 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961–1964. – *Примеч. перев.*)

⁹ Аттических *медимнов* (μέδιμνος, около 52 л). В ту же категорию попадали и хозяйства, производящие такое же число *метретов* (μετρητής, около 40 л) вина или оливкового масла. – *Примеч. перев.*

¹⁰ Разве что очень приблизительно: в имперской системе бушель составляет около 36 л, а в американской – около 35 л. – *Примеч. перев.*

300 или более мер и достаточно богатых, чтобы в случае необходимости выставлять в войско боевого коня; затем – класс фермеров, чьи наделы приносили не менее 200 мер зерна; и, наконец, класс поденщиков и издольщиков, которым приходилось браться за любую работу¹¹.

Установив это деление, Солон создал общество, еще далеко не эгалитарное, но все же открывающее новые возможности перед низшими слоями. Входящие в беднейшие категории не могли занимать государственные должности, но имели право участвовать в собраниях граждан мужского пола, на которых обсуждались важные вопросы, и могли быть выбраны в присяжные заседатели в рамках постепенно совершенствовавшейся судебной системы.

Солон унаследовал систему, в которой многие должности, в том числе должности архонтов, были доступны лишь самым богатым. Он сразу же расширил перечень обязанностей, которые мог выполнять кто угодно из высших двух или трех классов. Например, был учрежден новый Совет четырехсот, члены которого набирались из четырех афинских *фил*¹². Он занимался подготовкой повестки дня народных собраний.

Самой примечательной из реформ Солона было создание нового типа апелляционного суда, в работе которого могли участвовать граждане мужского пола всех классов. Любой гражданин мог по собственному желанию войти в многочисленную когорту, из которой набирали присяжных для рассмотрения конкретных судебных дел. Принцип равенства перед законом, или *изономия* (ἰσονομία), считался не менее важным, чем принцип народовластия, с самых первых дней афинских политических экспериментов.

Кроме того, Солон принял весьма разумные меры по укреплению позиций Аттики в торговых сетях, соединявших города и острова Греции, в то же время позаботившись о том, чтобы успешная торговля приносила пользу и самому региону. Он обеспечил поддержку производству и экспорту оливкового масла, которым Афины были богаты от природы, и приостановил вывоз другой сельскохозяйственной продукции, приводивший к дефициту на внутреннем рынке. Искусных ремесленников из других мест призывали селиться в Афинах и их окрестностях и делиться своими знаниями с местными жителями. Это подстегнуло производство и роспись керамики, вскоре ставшей одним из видов продукции, прославивших город.

Солон остался в истории автором политических свершений, оказавшихся в конечном счете успешными, и у нас нет оснований отказывать ему в этой чести. Однако в его истории были и некоторые причудливые повороты. Говорят, что сразу после провозглашения своих радикальных нововведений он покинул город и отправился путешествовать по Восточному Средиземноморью, обмениваясь философскими перлами с мудрецами тех мест, которые посещал. Вот что говорит о странствиях Солона Геродот, основоположник истории и географии, знавший толк в пикантных подробностях, курьезах и человеческих слабостях:

...Афинянин Солон ... составил афинянам по их поручению законы и потом в течение десяти лет путешествовал под предлогом любознательности, а на самом деле для того, чтобы не быть вынуждену отменить что-либо из составленных им законов. Сделать это без Солона афиняне не могли, потому что обязали себя грозными клятвами пользоваться данными им Солоном законами в течение десяти лет¹³.

Подобно многим другим грекам того времени, отправлявшимся на поиски мудрости, он поехал в Египет и разговаривал с тамошними жрецами о древней религии этой страны. По

¹¹ Граждане, принадлежащие к этим классам, назывались соответственно *пентакосиомедимнами* (πεντακοσιομέδιμνοι), *гиптеями* (ἰπτεῖς), *зевгитами* (ζευγῖται) и *фетами* (θητες). – *Примеч. перев.*

¹² Фила (φυλή) – крупное подразделение граждан в Древней Греции. В ранние времена филы представляли собой родоплеменные объединения, делившиеся на фратрии; в конце архаического периода в развитых полисах родовые филы были преобразованы в территориальные. – *Примеч. перев.*

¹³ Здесь и далее цит. по: История. Книга первая. Клио. Пер. с др. – греч. Ф. Г. Мищенко. Цит. по: *Геродот. История: В 9 кн. Изд. 2-е. М.: Издание А. Г. Кузнецова, 1888.*

одному из рассказов Солон узнал, что за несколько тысячелетий до того его родина враждовала с царством, называвшимся Атлантидой, которое было уничтожено некоей гигантской природной катастрофой. (Возможно, в этой легенде отразилась память о реальном событии XVI или XVII вв. до н. э. – массивном извержении вулкана, которое наполовину разрушило остров Санторин в южной части Эгейского моря и вызвало цунами, дошедшее до Крита, на котором в то время находилась на пике своего расцвета минойская цивилизация.)

Кроме того, странствия привели афинского государственного деятеля на Кипр и в Лидию, находившуюся на территории нынешней Турции. Именно там он, как рассказывают, произнес свою самую знаменитую фразу. Утверждается, что исполненный к тому времени египетской мудрости Солон вступил в довольно резкую беседу с Крезом, лидийским монархом, похвалявшимся своим богатством. Рассчитывая получить от гостя комплимент, Крез спросил его, кого тот считает счастливейшим из людей. К разочарованию царя, Солон ответил следующими загадочными словами: «Ранее смерти его [человека] воздержись с приговором, не называй его счастливым, но лишь благоденствующим».

Это высказывание часто толкуют неверно. На первый взгляд оно кажется несколько циничным выражением отношения к жизненным невзгодам: дескать, наши испытания не заканчиваются до самой могилы. Но, по словам Геродота, от которого мы и знаем эту историю, Солон хотел выразить мысль гораздо более тонкую. Чтобы пояснить свою точку зрения, афинский путешественник назвал нескольких людей, умерших в возвышенном состоянии духа – в битве или во время совершения благих деяний.

Например, он рассказал о двух братьях, надорвавшихся, когда они везли мать на священнодействие в честь богини Геры; это истощило их силы, и они умерли¹⁴. В более возвышенном смысле в понятие счастья входит не только приятная жизнь, но и благородная смерть; лучше всего, если уход человека из жизни имеет некий смысл или служит некоей цели. Узнать, насколько «хороша» будет чья-либо смерть, нельзя, пока человек этот и в самом деле не умрет. Потому-то и нельзя называть человека счастливым «ранее его смерти».

Если вдуматься, это было довольно поразительное заявление, более близкое по духу авраамическим религиям Ближнего Востока, нежели всему тому, что высказывалось до тех пор в эллинском мире. Возможно, Солон вынес из своих путешествий по Леванту не одни лишь уроки древней истории. Что же касается его царственного собеседника, он вскоре убедился в справедливости этого афоризма на собственном опыте, когда правившая в Персии династия Ахеменидов продемонстрировала растущую мощь своей державы, разбив Креза в сражении и осадив столицу Лидии, город Сарды. Затем персидский царь Кир распорядился сжечь захваченного в плен противника на костре. Охваченный языками пламени, несчастный лидийский монарх, осознав тщетность большей части своей жизни, трижды выкрикнул имя Солона. Это настолько заинтриговало завоевателя, что он пощадил и помиловал Креза.

Как и многие другие из рассказов Геродота, эта история вряд ли точно соответствует действительным событиям – слишком уж она хороша. Однако она говорит нам о многом. Она позволяет понять, в чем греки – и, в частности, афиняне – видели отличие своего общественного устройства от абсолютных монархий, властвовавших к востоку от них. Греческий мир не был ни пуританским, ни аскетическим, но в нем ценились самосознание, самоограничение и умеренность. Он заимствовал у восточных соседей знания и художественные приемы, но вовсе не стремился брать уроки восточного деспотизма.

С другой стороны, тот факт, что Солон, объявив о своих революционных переменах, покинул Афины, мог быть проявлением не самоограничения, а инстинкта самосохранения.

---

¹⁴ В пересказе Геродота братья Клеобис и Битон, жившие на Аргосе, впряглись в повозку вместо быков и пробежали с ней 45 стадиев (около 8 км). Их мать непременно должна была присутствовать на празднике богини, так как была ее жрицей. – *Примеч. перев.*

Реформы, которые он провел в жизнь, принесли городу долговременную выгоду и были предвестниками мер еще более радикальных. Но, насколько мы можем понять, положение дел в городе было слишком неустойчивым, чтобы такие изменения могли быть осуществлены быстро или безболезненно. Поделившись с родным городом плодами своей политической дальновидности, Солон предпочел удалиться в добровольное изгнание: этим же средством пользовались и многие другие греческие политики, как древние, так и современные, когда ситуация на родине становилась тупиковой или слишком опасной.

Чтобы лучше почувствовать, кем на самом деле был Солон, можно обратиться к его поэзии. Хотя его стихи не принадлежат к числу самых изысканных, они ясно и искренне говорят о его любви к Афинам и их окрестностям. Это голос человека, которого ужасает мысль о том, как его родной город раздирают на части алчность, раздробленность и межклассовая борьба.

Родина наша вовек не погибнет по промыслу Зевса
И по решению всех вечных, блаженных богов:
То ведь Паллада Афина, заступница крепкая наша,
Бога могучего дочь, длани простерла над ним!
Но в неразумье своем сами граждане город великий
Ввергнуть в погибель хотят, думая лишь о деньгах.
И у народных вождей преисполнены думы неправды.
Но за великую спесь много несчастий их ждет:
Сдерживать гордых страстей не умеют и в строгом порядке
Радости дня проводить, в тихом пируя кругу.
Только о деньгах мечты их; владеть, хоть нечестно, стремятся.
И богатеют они, злым предаваясь делам.
Сытость – надменности мать, коль прибудет богатство большое.
Тут не щадят ничего, ни из сокровищ святых,
Ни из народных богатств; они грабят, откуда придется,
И не боятся совсем Правды уставов святых.
Ведает молча она настоящее все и бывшее;
Рано иль поздно придет дать воздаяние всем¹⁵.

Еще более яркое ощущение того, что происходило в Афинах во времена Солона, можно получить, если обратиться не к прозе или поэзии, а к одному предмету, найденному в Центральной Италии, но явно произведенному афинским художником, работавшим в 570 г. до н. э. или чуть позже. «Ваза Франсуа», названная так по имени человека, нашедшего ее два столетия назад, – это керамический сосуд, кратер, имеющий 66 сантиметров в высоту, расписанный в чернофигурной технике, которая переживала свой расцвет в Афинах между VII и V вв. до н. э. Вазу украшают не менее 270 фигур людей и животных; в основном на ней изображены мифологические сцены, в том числе и те, важную роль в которых играет Тесей. Можно увидеть, как этот герой празднует вместе со своими земляками-афинянами уничтожение Минотавра, ужасного чужеземного чудовища, пожиравшего афинскую молодежь и державшего в страхе весь город. В другом месте Тесей изображен сражающимся в союзе с дружественными варварами, лапифами, против кентавров – еще одного вида полулюдей-полуживотных. Их тела представляли собой нечто среднее между человеческими и конскими.

Но это изысканное произведение искусства – не просто почтительная дань мифическому основателю города, занимавшему центральное место в воображении афинян. На вазе есть гордые подписи гончара Эрготима, изготовившего ее, и художника Клития, который написал эти

¹⁵ Пер. с др. – греч. С. И. Радцига. Цит. по: *Демосфен. Речи*. М.: Памятники исторической мысли. 1996. Т. III.

сцены. К этому времени Афины уже становились преуспевающим центром притяжения людей творческих, не стеснявшихся демонстрировать свои таланты и состязаться с коллегами. Их конкуренты, художники из Коринфа, славились мастерством изображения животных; афиняне совершенствовались передаче человеческих фигур – или, по меньшей мере, их контуров. Возможно, величайшим достижением Солона было то, что он почувствовал и поддержал способность Афин стать центром гуманитарного влияния – местом, привлекающим таланты со всей Греции и экспортирующим их произведения. Одной из самых мудрых политических мер, которые он принял, было предоставление гражданства селящимся в Афинах искусным художникам.

Несмотря на всю гениальность реформ Солона, в конечном счете они так и не смогли обеспечить Аттике стабильность. Возможно, они достигли желаемого результата по части ослабления нищеты низших слоев общества и предоставления некоторого выхода энергии формирувавшемуся среднего класса. Однако не прошло и двадцати лет с того времени, когда Солон был архонтом, как во всем регионе вновь возник опасный раскол между фракциями, сформировавшимися в разных местах на основе клановых приверженностей и экономических интересов.

Партия, состоявшая из жителей «береговой полосы», базировавшаяся на южной оконечности полуострова, придерживалась центристских политических взглядов и поддерживала нововведения Солона; консервативная «равнинная» партия, возникшая на плодородных внутренних территориях, стремилась обратить реформы вспять; наконец, «пограничная» партия холмистой местности к северу от Афин представляла интересы мелких сельских хозяев, которые хотели еще более радикальных изменений в пользу бедных. Центристов возглавлял Мегакл, внук и тезка человека, навлекшего проклятие на весь род Алкмеонидов совершенным в священном месте убийством мятежников Килона. Во главе радикальной партии стоял импульсивный и честолюбивый молодой человек по имени Писистрат.

К тому времени, как Писистрат вступил в борьбу за власть в Афинах, он уже прославился, командуя войсками в боях против соседней Мегары. Его взаимоотношения с Солоном, бывшим на сорок лет его старше, остаются загадкой. По-видимому, они были дальними родственниками. К тому времени, когда Писистрат пришел к власти в Афинах, Солон был человеком многоопытным и утомленным, видевшим склонность более молодого человека к нетерпеливости и оппортунизму.

В том, что он был человеком беспринципным, никаких сомнений нет. Впервые Писистрат попытался захватить власть следующим образом: он явился перед собранием афинских граждан с выставленной напоказ раной и заявил, что на его жизнь покушались. Собрание позволило ему собрать отряд вооруженной охраны. При помощи этого отряда он захватил Акрополь, но впоследствии был изгнан. Что бы этот эпизод ни говорил о самом Писистрате, он дает нам интересные сведения об Афинах середины VI в. до н. э.: собрание граждан обладало реальной властью, частные армии были под запретом, а Акрополь, на котором тогда, вероятно, шло строительство первого большого храма Афины, был местом слишком священным, чтобы его могла захватить какая-нибудь одна вооруженная фракция.

Позднее Писистрат заключил союз с аристократом Мегаклом; они стали бороться за власть совместно и на некоторое время добились успеха. Утверждается, что для укрепления пакта между двумя политиками Писистрат женился на дочери Мегакла. Свое возвращение в Афины он обставил так, что не заметить его было нельзя: он стремительно въехал в город на колеснице в сопровождении женщины необычайно высокого роста, которая изображала Афины. Даже Геродот, вообще-то обожавший интересные выдумки, писал, что не понимает, как такое вульгарное лицедейство могло показаться кому-либо правдоподобным.

Как бы то ни было, сделка с Мегаклом распалась, когда обнаружилось, что Писистрат не хочет иметь детей от молодой жены, предпочитая не лишать своих отпрысков от предыдущего

брака законных прав. Писистрата снова изгнали из города, и он отправился во Фракию, на дикий север греческого мира, где составил себе состояние на рудниках.

В 546 г. до н. э. Писистрат вновь вернулся в родной город, на сей раз окончательно – не с богиней, а с деньгами и небольшой армией наемников. Вскоре он стал тираном Афин, которые до того не принимали эту политическую концепцию, и оставался им до самой смерти в 527 г. до н. э. Как ни странно, последующие поколения, как в Афинах, так и за их пределами, поминали период его верховной власти исключительно добрым словом. Он, несомненно, был не худшим из деспотов. Хотя он, по сути дела, распоряжался делами Афин, он не отменил ни одного из демократических или судебных учреждений города. Более того, в некоторых отношениях он их даже расширил: например, он рассылал по всей Аттике передвижные суды, чтобы даже самые дальние уголки этой области могли воспользоваться преимуществами афинского правосудия.

При Писистрате были продолжены или ускорены многие из перспективных перемен, начатых в эпоху Солона. Международный экспорт афинских искусно изготовленных ваз, украшенных прекрасной росписью, неуклонно расширялся и обогнал аналогичную отрасль Коринфа. Легендарный объединитель Аттики и Афин Тесей становился все более популярным персонажем изображений. Не менее успешно шли дела и с экспортом оливкового масла, которое часто наливали в те же сосуды.

В одной из историй, рассказываемых с симпатией к Писистрату, описывается его случайная встреча с бедным крестьянином, который работал на бесплодном поле на склоне горы Гиметт, возвышающейся над Афинами. По словам Аристотеля, это случилось вскоре после того, как был введен фиксированный налог на все крестьянские хозяйства, составлявший не то 5, не то 10 %. «Увидав, что какой-то человек копается и трудится над одними камнями, Писистрат подивился этому и велел рабу спросить у него, сколько дохода получается с этого участка. Тот ответил: “Какие только есть муки и горе; да и от этих мук и горя десятину должен получить Писистрат”»¹⁶. Бесхитростная честность изможденного крестьянина произвела на правителя такое впечатление, что он тут же освободил его от налоговых обязательств. Этот рассказ вполне созвучен создавшемуся у потомков в целом положительному образу нетиранического тирана, административное мастерство которого сочеталось со здравым смыслом.

Писистрат усердно работал над объединением Афин и Аттики в единое политическое и культурное пространство. Где-то в середине VI в. до н. э. было решено преобразовать ежегодные городские празднования в честь богини Афины в проводящийся раз в четыре года грандиозный праздник, который, подобно Олимпийским играм, должен был стать общеэллинским, то есть открытым для всего греческого мира. Панафиней включали в себя спортивные состязания, танцы, пение и эффектные процессии, а их кульминационные события происходили на Акрополе. Эти изменения, по всей вероятности, произошли незадолго до прихода Писистрата к верховной власти, но он, несомненно, помогал их внедрению и, учитывая его мастерство по части публичных зрелищ, использовал для укрепления престижа города.

В самое сердце города были перенесены религиозные и фольклорные традиции, ранее существовавшие на самых отдаленных окраинах области. Одним из самых судьбоносных шагов стало перемещение в Афины культа Диониса, бога вина и опьянения. Первоначально центром поклонения этому буйному божеству был городок Элевферы, находившийся на границе Аттики и соседней области Беотии. Деревянную статую Диониса перевезли в Афины, а простонародные ритуалы и песни, прославлявшие этого бога, стали исполняться в храме Диониса, вновь построенном на склоне Акрополя. Где-то в процессе этого перемещения скабресный сельский карнавал начал превращаться в одно из величайших достижений греческой цивили-

---

¹⁶ Цит. по: *Аристотель. Афинская полиция* / Пер. С. И. Радцига. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 25.

лизации – все более изощренные театральные постановки с чарующе прекрасными стихами и четко прорисованными действующими лицами, взаимоотношения которых до сих пор способны держать в напряжении зрителей.

Независимо от того, действительно ли Писистрат заслуживает репутации одного из самых добродетельных тиранов в истории, его правление, по-видимому, ничем не мешало и, вероятно, в немалой степени способствовало продвижению города к роли многообещающего лидера греческого мира. Однако, хотя о нем самом вспоминают с симпатией, о событиях, развернувшихся через два десятилетия после его смерти, случившейся около 527 г. до н. э., говорят с преувеличенным ужасом. Власть, по сути дела, перешла к его сыновьям – в основном к старшему из них, Гиппию, и в меньшей степени к младшему, Гиппарху. Каким-то загадочным образом такое семейное правление в течение по меньшей мере десятка с лишним лет успешно сосуществовало с прогрессивными политическими и юридическими учреждениями, установленными Солоном. Однако во время Панафиней 514 г. до н. э. на правителей было совершено покушение, в результате которого Гиппарх был убит. Последние четыре года, в течение которых правил после этого Гиппий, он был правителем озлобленным, мстительным и – возможно, впервые – тираническим. Судьба двух убийц была немногим лучше. Младший из них, Гармодий, был убит в той же стычке; его сообщник Аристокитон был схвачен, подвергся пыткам и умер в заключении.

Таковы сухие факты, вокруг которых соткался миф о двух беззаветно отважных мужах, пожертвовавших собой ради освобождения Афин от деспотизма. В течение по меньшей мере шести столетий статуи Гармодия и Аристокитона стояли на видном месте на Агоре – рыночной площади города. Их гордые обнаженные фигуры, потрясающие мечами, были созданы со всем возможным мастерством лучшим скульптором так называемого строгого стиля, раннеклассического направления греческой скульптуры, в котором плавные и жизнеподобные движения тел сочетались с суровыми выражениями лиц. Когда оригиналы статуй были украдены, их сразу же заменили копиями. Эти двое считались важнейшими светочами афинской свободы; их не только изображали в камне, но и воспевали в стихах и песнях.

Подлинную историю рассказывает в клинических подробностях Фукидид, мастер исторического повествования, более всего известный отчетами о событиях своей собственной эпохи, происходивших 100 лет спустя. В одном неожиданном, но ярком историческом отступлении Фукидид объясняет, что именно, как он считает, случилось с Гиппием и Гиппархом. По его мнению, причиной стычки, омрачившей празднество 514 г. до н. э., была не только беззаветная вера в свободу, но и, причем не в меньшей степени, гомоэротическая страсть. Не скрывая своего холодного презрения к мифам, историк-рационалист пишет, что чувствует себя обязанным рассказать правду, так как «даже афиняне, не говоря уже о прочих эллинах, не имеют о своих тиранах и вообще о своем прошлом никаких точных сведений»¹⁷.

Гармодий, объясняет историк, был молодой человек, «блиставший юношеской красотой», и Гиппарх воспылал к нему страстью. Это возмутило Аристокитона, «горожанина среднего состояния», уже бывшего любовником Гармодия. Гиппарха же приводило в отчаяние безразличие юноши к его ухаживаниям. Досаду свою он выразил в мелочном оскорблении, нанесенном семье молодого человека: его сестра была приглашена участвовать в некоей церемониальной процессии, но затем, в самый последний момент, это приглашение было отменено. Это удвоило ту неприязнь, которую двое любовников испытывали к братьям, правившим городом; они собрали некоторое количество сторонников, чтобы совершить покушение во время самого важного городского празднества – Панафиней. Исходно предполагалось убить Гиппия, но в последний момент заговорщики решили напасть на Гиппарха, которого они по-настоя-

---

¹⁷ Пер. с др. – греч. Ф. Г. Мищенко и С. А. Жебелева. Здесь и далее цитаты из Фукидида приводятся по: *Фукидид. История*. СПб.: Наука, 1999. (Серия «Историческая библиотека».)

щему ненавидели. Оба набросились на него, не заботясь о собственной безопасности, «в сильнейшей ярости, внушаемой одному любовным чувством, другому нанесенным оскорблением». Гиппарх скончался на месте, как и его юный убийца. Аристокитон сумел на короткое время скрыться, но «затем был схвачен и погиб тяжелой смертью».

Случившееся затем легко можно было бы считать всего лишь очередным, ничем не примечательным эпизодом в борьбе за власть, которую вели виднейшие семейства Афин; борьбе, лишь свидетелем которой по большей части был простой народ. Но в заключительном акте этой политической схватки события приняли неожиданный оборот, превративший Афины в государство с нравственными обычаями и организацией, равных которым не было ни в каком другом.

Сначала Гиппий и в самом деле стал вести себя как более суровый тиран: охваченный горем и паранойей, он принялся разить направо и налево. Среди жертв его гнева оказался и бывший союзник Клисфен, а также его родичи из клана Алкмеонидов. Их изгнали из Афин. Но семейство, обладавшее такими богатствами и такими связями, было не так-то просто вычеркнуть из жизни Афин. Эти аристократические изгнанники обосновались возле святилища в Дельфах, обиталища оракула, изречения которого почитались во всем эллинском мире. Подобно многим другим религиозным учреждениям, существовавшим на протяжении многих веков, дельфийский оракул сочетал необычайный мистицизм, ощущение связи с потусторонними мирами, с весьма прагматической политической деятельностью.

Алкмеониды приобрели популярность в Дельфах, когда выделили из своих денег средства на восстановление храма после пожара. Благодарность оракула выразилась в том, что все его влияние было употреблено, чтобы побудить величайшую военную силу греческого мира вмешаться в афинские дела и обеспечить Алкмеонидам возможность вернуться на родину.

Речь идет о Спарте, городе на реке Эврот в Лаконии, области, находящейся в южной части Пелопоннеса. В истории Спарта осталась противоположностью вольному, открытому и творческому духу Афин. Даже если учесть, что имеющиеся у нас сведения по большей части исходят от враждебно настроенных чужестранцев, спартанское общество действительно было необычайно суровым и воинственным, хотя и не лишенным некоторой утонченности. Очень грубым аналогом Спарты из новой истории можно было бы считать Пруссию XVIII в.

Если в Афинах царил дух изобретательности, легкости, непочтительности и остроумия, то Спарта была суровым вооруженным лагерем; в жизни ее граждан мужского пола не было других целей, кроме подготовки к войне и ведения войн. Начиная с семи лет и в течение всей взрослой жизни мальчики и мужчины должны были по большей части жить в казармах, закаляя свои тела и проходя бесконечные испытания на физическую и психологическую выносливость. Даже женатым мужчинам разрешалось лишь ограниченное общение с женами. Возможно, положительной стороной спартанского устройства можно считать тот факт, что женщинам этого города пришлось стать в известной мере независимыми. Они больше, чем в других городах-государствах, принимали участие в спортивных соревнованиях и занятиях гимнастикой. В конце концов, им нужно было быть в достаточно хорошей форме, чтобы рожать здоровых воинов.

Пищу и другие предметы первой необходимости обеспечивали покоренные народы, или *илоты* (εἰλωτοί), обитатели соседних областей Лаконии и Мессении, жившие в своего рода постоянной крепостной зависимости. В Спарте не было особой экономической и даже денежной системы, заслуживающей обсуждения, и получение дохода от экспорта товаров ее не интересовало.

Однако Спарта не была в чистом виде тоталитарным государством: в ней существовало некоторое разделение властей. Государством правили два царя и пять ежегодно избиравшихся *эфоров* (ἑφορος), которые должны были выражать общественные интересы и иногда служить противовесом монархам. Поэтому процесс принятия решений не был простым. Однако реше-

ния, все же принимавшиеся, обычно предполагали применение силы, будь то против городов-соперников, находящихся на полуострове, или против непокорных илотов.

Спарта постоянно находилась на военном положении, но не проявляла экспансионистских устремлений. Напротив, руководители города, опасавшиеся восстаний илотов, очень неохотно отправляли свои войска в дальние экспедиции. Но в последние годы VI в. до н. э. в Спарте правил царь, выказавший готовность, хотя и в разумных пределах, выступить из города на помощь таким же, как он, автократам. Его звали Клеоменом. Насколько мы можем судить, его отчасти подвиг на это совет дельфийского оракула (у которого появилась загадочная привычка начинать все прорицания со слов «сначала освободи афинян»), а отчасти – старые дружеские связи с древнейшим афинским родом.

Спартанский царь согласился помочь Клисфену, главе семейства Алкмеонидов, в борьбе со становившимся все более безумным Гиппием. Первая атака была отбита благодаря всадникам, которых Гиппию удалось завербовать в Северной Греции. Второе, более серьезное вторжение произошло в 510 г. до н. э.: Гиппий был вынужден укрыться на священной территории Акрополя, где нападавшие не могли причинить ему никакого вреда. Однако затем тиран допустил глупейшую ошибку. Он попытался тайно переправить в безопасное место своих пятерых детей, и те тут же попали в руки врагов, которые вынудили его пойти на переговоры о сдаче и покинуть город. Гиппий нашел убежище в Сигее на северо-западном побережье Анатолии; название этого небольшого города означает «место тишины».

Итак, величайший афинский род под руководством Клисфена вернулся из изгнания, но было совершенно неясно, какие последствия это событие будет иметь для политического развития города. При Писистрате и его сыновьях в Афинах существовала странная смесь тирании и демократических установлений, и эта система как-то работала, так как город расширялся и процветал. Во всяком случае, она работала до того момента, когда паранойя Гиппия сделала ее тираническую составляющую невыносимой.

В этой запутанной ситуации Клисфен вскоре обнаружил, что у него есть соперник, стремящийся заставить политические часы пойти вспять, – это был некий Исагор, который в 508 г. до н. э. сумел победить на выборах одного из городских архонтов и взялся за сосредоточение политической власти в меньшем количестве рук. Он попытался уменьшить число полноправных граждан, что свело бы на нет дальновидные действия Солона, превратившего город в привлекательное убежище, которое принимало и наделяло правами всех, кто обладал ремесленным или художественным мастерством. Клисфен выступил против, и над городом нависла угроза гражданской войны. Исагор представлял «старые деньги», обладатели которых опасались пришлецов и выскочек; его противник мог похвастаться еще более аристократическим происхождением, но не так страшился перемен.

В дела города снова должен был вмешаться спартанский царь, принявший, как и следовало ожидать, сторону приверженцев жесткой линии. Совместными усилиями Клеомен и Исагор изгнали из Афин весь род Алкмеонидов, около 700 семейств. Затем два деспота попытались заручиться одобрением своих действий у более или менее демократического совета, учрежденного Солоном для выработки рекомендаций Народному собранию. Но тут они столкнулись с яростным сопротивлением простых жителей Афин, в число которых, несомненно, входили многие мелкие торговцы и предприниматели, получавшие выгоду от расширения города.

Восставшие осадили Исагора и его спартанских сторонников на Акрополе, где жрица Афины обратилась к приблизившемуся к ней иноземному монарху со следующими суровыми словами: «Назад, чужеземец из Лакедемона! Не вступай в святилище!»¹⁸ Спартанцы, хоть и были приучены не бояться других смертных, были людьми глубоко религиозными. В конце

¹⁸ Цит. по: Геродот. История: В 9 кн. / Пер. с др. – греч. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. С. 258.

концов царь покинул святилище и договорился о безопасном отступлении для себя самого и своих войск.

После этого у власти остался Клисфен. История мало что рассказывает нам о личности этого человека, но приписывает ему необычайные достижения. Он заложил основы глубоких демократических преобразований, которые определили принципы управления городом в течение целого века поразительных свершений. Самая грандиозная из его реформ была изобретательным производением политических технологий, обеспечившим сплочение афинского населения и породившим у него всеобщее чувство верности роду, местности и городу. До этого в городе было четыре филы. Теперь население было разбито на десять фил, каждой из которых было придано символическое происхождение от одного из доисторических афинских героев. Филы больше не соответствовали компактным участкам территории. В каждую из них входили жители трех частей Аттики, распри между которыми были вечным источником нестабильности, – побережья, внутренних холмов и города. Каждая из новых фил отвечала за формирование своих собственных боевых отрядов и выставление участников спортивных и культурных празднеств. Хотя эти новые подразделения были образованы совершенно искусственно, они быстро стали предметом искренней приверженности.

Кроме того, область была разделена на 140 территориальных округов, или *демов* (δῆμος)¹⁹. В каждом деме было свое собственное миниатюрное народное собрание, занимавшееся местными делами и отвечавшее за регистрацию граждан. Начиная с этого момента, у каждого афинского гражданина был долг верности его дему, его филе и, наконец, всему городу вместе с его прекрасными окрестностями.

Вместе с тем численность Совета была увеличена с 400 до 500 человек: каждая из десяти фил поставляла в него делегацию из пятидесяти своих граждан. В течение года работой Народного собрания поочередно управляли делегации разных фил. Каждый день после полудня такая делегация выбирала одного из своих членов, на которого возлагалась формальная ответственность за деятельность Народного собрания в течение следующего дня. Никто не мог занимать эту должность дважды. В результате тысячи простых афинских граждан получали опыт управления делами государства, как чисто церемониального, так и более практического.

Таковы, во всяком случае, были некоторые из черт так называемой Клисфеновой демократии в период ее полноценного действия в начале V в. до н. э. Никто не может сказать с уверенностью, были ли эти преобразования задуманы и успешно осуществлены самим Клисфеном. Однако кажется несомненным, что, несмотря на собственное привилегированное происхождение, он привел в действие меры, направленные на привлечение простого народа к решениям, определяющим будущее общество. С некоторой натяжкой его реформы можно сравнить с действиями британской партии тори, возглавляемой Бенджамином Дизраэли, который в 1867 г. перехватил инициативу у своих противников из Либеральной партии и предоставил избирательные права почти миллиону трудящихся. В политике бывают моменты, когда лишь самые привилегированные чувствуют себя достаточно уверенно, чтобы поделиться властью с другими. Каковы бы ни были мотивы Клисфена, он заслужил себе место в истории.

---

¹⁹ Это же слово могло обозначать всю совокупность граждан мужского пола афинского города-государства.

2

Блистательные победы (500–480 до н. э.)

Возникновение угрозы Афинам со стороны Персии. – Роль Афин в поддержке ионийских греков. – Первое персидское вторжение в Грецию. – Мильтиад организует победу над превосходящими силами персов при Марафоне, 490 г. до н. э. – Ксеркс и второе персидское вторжение в Грецию, 480 г. до н. э. – Афины следуют совету флотоводца Фемистокла и начинают постройку боевых кораблей. – Афиняне оставляют город на разграбление Ксерксу. – Фемистокл заманивает персидский флот в Саламинский пролив и разбивает его

На взгляд греков, персы и мидяне были одним и тем же народом, и это почти соответствовало действительности. Великая растущая империя явилась на свет около 550 г. до н. э., когда Кир, персидский царь из династии Ахеменидов, восстал против Мидии, бывшей тогда господствующей державой в своей части Юго-Западной Азии. Кир захватил столицу Мидийского царства Экбатаны, провозгласил себя наследником мидийского престола и продолжил те войны, которые мидяне вели против других своих соседей. Вскоре он и его военачальники успешно сражались сразу на нескольких фронтах. Они обладали замечательной способностью собирать многонациональные коалиции и использовать их войска на поразительно больших расстояниях.

По мере того как войска персов завоевывали весь известный мир, им все больше досаждали греки, и в особенности афиняне. Завоеватели столкнулись с противниками талантливыми, непостоянными, безнадежно разобщенными, которых тем не менее было трудно покорить. Хотя у них не было очевидных технических преимуществ, они никак не соглашались склониться перед колоссальной мощью Персии. Как быстро заметили персы, отдельные греческие города – и даже отдельные греки – были готовы торговаться и договариваться почти что с кем угодно, если им казалось, что из этого можно извлечь практическую пользу. Но подчиниться абсолютной власти персидского царя, даже на самых благоприятных условиях, греки не желали, если только этого хоть как-нибудь можно было избежать.

Одной из первых стран, которые вознамерился покорить Кир, была Лидия, царь которой Крез имел столь глубокомысленную беседу с афинским мудрецом Солоном. Это, в свою очередь, вызвало брожение чуть дальше к западу, в греческих поселениях эгейского побережья Анатолии – великолепных, полных жизни городах наподобие Милета и Эфеса, в которых гениальные мыслители начинали задаваться фундаментальными вопросами о природе Вселенной. Самые главные из этих городов были населены ионийскими греками, диалект и некоторые коллективные воспоминания и характеристики которых, в том числе легкость и свобода духа, были близки тем, что были у афинян, также с гордостью причислявших себя к ионийцам.

По мере того как силы Кира продвигались на запад, он пытался заручиться помощью ионийских греков, призывая их восстать против Лидии, под властью которой они жили. Ионийцы отказались, и после победы Кир обратил свой гнев против них. Не утратившие гордости ионийцы спросили Кира, могут ли они жить под его властью, но в полуавтономном режиме. Персидский царь был не склонен идти на такие уступки и принялся покорять ионийские города один за другим. Первым он обратил свой гнев на портовый город Фокея; жители города со свойственной грекам гибкостью ответили массовым переселением в Южную Италию и на Корсику, где они еще раньше основали поселения. Некоторые из них поплыли еще дальше, в греческую колонию Массалия (нынешний Марсель) на средиземноморском побережье Франции.

В 499 г. до н. э. греки восстали против персидского владычества. Искрой, из которой разгорелось восстание, стала попытка греческого правителя, возглавлявшего местную власть

в городе Милете, одном из наиболее процветавших ионийских государств, воспользоваться одной удобной возможностью. Аристагор убедил своих персидских хозяев, что остров Наксос, расположенный в центре Эгейского моря, может стать их легкой добычей. Но нападение на остров окончилось неудачей, и его организатор оказался в опасном положении. Аристагор предпочел не разбираться с последствиями недовольства персов, а поднять сограждан на борьбу за свободу.

Это вовлекло недавно установившуюся в Афинах полудемократическую систему в судьбоносное столкновение с восточными соседями. Боровшиеся за свободу ионийцы пересекли Эгейское море и попытались заручиться поддержкой греческих сородичей на материке. Спартанцы, уставшие от дальних военных походов, ответили отказом. Афины, всегда гордившиеся своими связями с ионийскими греками, согласились им помочь, и первые результаты этого союза были великолепными. В 498 г. до н. э. объединенные силы ионийцев, афинян и жителей города Эретрия, расположенного на острове Эвбея, выступили на восток и сожгли город Сарды, некогда великолепную столицу, которую персы лишь недавно отобрали у лидян. Этим Афины нанесли персам оскорбление, за которое те были намерены отплатить. Вооруженная борьба за ионийские государства продолжалась еще шесть лет и закончилась победой персов, в результате которой они достаточно надежно подчинили себе Ионию и страстно желали преподать жестокий урок Афинам и их эретрийским союзникам.

Все это помогает понять, насколько опасными были условия, в которых прошли первые годы существования афинского демократического эксперимента. Афинам угрожал враг, и было далеко не очевидно, найдутся ли у города средства отразить его нападение. Хотя культурное самосознание и экономическое состояние города устойчиво росли, он вовсе не был самой могущественной в военном отношении державой греческого мира. Эта роль явно принадлежала Спарте. В то же время Афины были привержены политической системе, бывшей для суровых правителей Спарты постоянным раздражителем.

На заре V в. до н. э. власть над Персидской империей надежно держал в своих руках Дарий, бывший, строго говоря, узурпатором, но достигший абсолютного владычества над своим царством. В состав этого царства, простиравшегося на восток до Индии, а на запад до Дуная, входил и Египет, где погиб при загадочных обстоятельствах предыдущий правитель, Камбиз. Дарий, бывший дальним родственником Камбиза, уже продемонстрировал свое политическое мастерство, когда разделил огромную Персидскую империю на двадцать административных округов, в то же время обеспечив неизменное уважение своей собственной верховной власти. Для такого уверенного в своих силах монарха упорное сопротивление некоторых из греков казалось проблемой разрешимой, всего лишь досадной мелочью.

Вначале попытка Дария подчинить себе грекоязычный мир имела некоторый успех: в 492 г. до н. э. его зять Мардоний покорил северные области Македонии и Фракии. Однако его флот погиб в буре возле Афонского мыса в Северо-Восточной Греции, ныне знаменитого своими христианскими монастырями.

На следующий год Дарий разослал по всем городам Греции послов с требованиями официального подчинения. Отказались покориться только Афины и Спарта; последняя ответила убийством послов и фактическим объявлением войны Персии. Дарию казалось, что его честь требует покорения этих дерзких городов – в особенности Афин, отправивших на помощь ионийскому восстанию двадцать кораблей, и их соседей из Эретрии, участвовавших в разграблении Сард, в том числе их самых почитаемых святилищ.

Летом 490 г. до н. э. персидское войско, в составе которого были боевые корабли, кавалерия и пешие копейщики, пересекло Эгейское море. Его возглавляли мидийский аристократ Датис и племянник царя Дария Артаферн. Их экспедиция послала разным греческим городам и островам продуманные политические сигналы. На чрезвычайно почитаемом острове Делос, родине Аполлона и Артемиды, Датис принес Аполлону тщательно подготовленные жертвы.

Хотя ему было поручено наказать греков за святотатства, совершенные ими в Сардах, он, судя по всему, считал благоразумным выказывать уважение к греческой религии – во всяком случае, на этом этапе. Возможно, это жертвоприношение было особенно полезно тем впечатлением, которое оно произвело на жрицу храма Аполлона в Дельфах, внушив ей более благоприятное мнение о персах.

Прибыв на остров Эвбея, экспедиционные силы начали демонстрировать силу. Зайдя в порт Карист, они потребовали его сдачи и быстро подчинили себе город силой, когда тот не капитулировал. В Эретрии захватчики нашли город, раздираемый внутренними спорами о том, имеет ли смысл сражаться. После недельной осады защитники города сложили оружие, и, как пишет Геродот, персы «вошли в город, разграбили и сожгли храм в возмездие за сожженное святилище в Сардах, а жителей по повелению Дария обратили в рабство»²⁰. Начиная с этого момента Афины остались практически в одиночестве. Захватчикам помогал прокладывать маршрут не кто иной, как Гиппий, свергнутый афинский тиран, превратившийся теперь в жалкого престарелого интригана. По-видимому, и Гиппий, и его персидские друзья были уверены, что найдут среди жителей Афин своих сторонников – людей, тоскующих по спокойствию и стабильности, которые давало им правление отца Гиппия, Писистрата.

Гиппий предположил, что удобное место высадки будет у Марафона, в серповидном заливе на восточном берегу Аттики. Его отец считал эту местность своим домом; именно там разыгрались бурные события одного из возвращений Писистрата на родину. Этот участок берега, расположенный приблизительно в 40 километрах к северу от Афин, и по сей день остается тихим, красивым и воодушевляющим. К нему примыкают богатые растительностью болота, за сохранение которых борются защитники окружающей среды.

Но новое возвращение сопровождалось дурными предзнаменованиями. Когда Гиппий переправлял персов и их коней на берег, произошел один нелепый инцидент. На старика «напали чихание и приступ кашля сильнее обычного. А так как у него ... большая часть зубов шаталась, то один зуб от сильного кашля даже выпал. Зуб упал на песок, и Гиппию стоило больших усилий его искать, но зуб не находился». Ожесточенный ветеран увидел в этом знак того, что «это не наша земля, и мы ее не покорим ... часть ее, принадлежавшую мне по праву, взял теперь мой зуб».

Персы ошибочно полагали, что получают от хорошо осведомленного человека полезные советы относительно афинских дел. В то же время афиняне получали советы, гораздо более полезные, от человека, очень хорошо понимавшего образ мыслей персов. Важнейший из их военачальников раньше служил в персидском войске. Его звали Мильтиад. Его дядя, носивший то же имя, основал афинскую колонию в северо-восточной части Эгейского моря, недалеко от места, вошедшего в историю XX в. под названием Галлиполи²¹. Мильтиад Младший также правил родовым владением, но в 513 г. до н. э. до него докатилось предпринятое Дарием вторжение в Юго-Восточную Европу, и он был призван в армию, возглавлявшуюся персами. Одним из талантов персов была способность ставить себе на службу рядовых воинов и военачальников разных национальностей.

Однако ни Мильтиад, ни греческие воины, служившие под его началом, так и не стали верными слугами персидского царя. В то время как персы стремительно наступали на север, за Дунай, преследуя племя скифов, некоторые из подчиненных им греков составили заговор: они собирались оставить персов в беспомощном положении, заблокировав переправу через великую реку, отделяющую ныне Румынию от Болгарии. Этот план так и не был приведен в исполнение, но персы стали меньше полагаться на помощь греков.

²⁰ Здесь и далее в этой главе цит. по: *Геродот. Указ. соч.*

²¹ Мильтиад Старший по приглашению местного племени стал тираном на Херсонесе Фракийском (современный Галлипольский полуостров). – *Примеч. перев.*

Мильтиад участвовал в этом заговоре – так, во всяком случае, он утверждал, когда решил вернуться в родные Афины и снова встать под греческие знамена. В 490 г. до н. э. он был в числе десяти полководцев, или *стратегов* (στρατηγός), избранных гражданами в соответствии со сложной демократической процедурой, которой предстояло пройти первое испытание делом. (В Афинах существовала еще одна военная должность, которая – по меньшей мере в церемониальном отношении – стояла выше десяти стратегов: это была должность «военного архонта», или ответственного за военные дела²². В 490 г. эту должность занимал Каллимах.) Мнения относительно того, разумно ли будет атаковать захватчиков в месте их высадки, в этом большом совете военачальников разделились. Мильтиад считал, что действовать следует именно так, и ему хватило убедительности склонить на свою сторону прочих²³.

Простояв в бездействии пять дней, две армии наконец сошлись в битве. То, что нам известно об этом сражении, укладывается всего в несколько строк. Афиняне были нагружены металлическими средствами защиты и нападения – тяжелыми доспехами и щитами, а также копьями и сравнительно короткими мечами. Персы были подвижнее и прекрасно стреляли из луков. Мильтиад решил, что строй афинского войска должен быть тоньше в центре и плотнее на обоих флангах. Выстроившись в соответствии с этими указаниями, афиняне, к изумлению персов, пошли на них быстрым размеренным шагом. Учитывая тяжесть их снаряжения, это требовало немалой выносливости, но такая тактика лучше всего позволяла им избежать персидских стрел. По словам Геродота, «поведение афинян казалось персам безумным и даже роковым, так как врагов было немного, и притом они устремлялись на персов бегом без прикрытия конницы и лучников».

Как и ожидал Мильтиад, по центру строй его войска был прорван, что создало у персов иллюзию победы. В этот момент два крыла греческого строя, сомкнувшись, ударили на захватчиков, что вынудило тех бежать в поисках спасения, которого нигде не было. Некоторые из охваченных паникой персов застряли в болотах. Большинство попыталось пробиться назад, к своим кораблям, причем афиняне преследовали их по пятам. Греки попытались даже захватить корабли голыми руками, проявив при этом отчаянную отвагу. В конце концов все еще грозное персидское войско вместе с конницей отплыло из Марафона и направилось на юг, к мысу Сунион. По-видимому, персы были уверены, что добьются успеха, высадившись на западной стороне Аттики и напав на город, оставшийся незащищенным или даже перешедший под власть тех, кто был готов к смене власти.

Победа афинян при Марафоне была настолько полной, что им удалось лишить захватчиков всякой надежды на успех. Как утверждает апокрифический рассказ, быстроногий гонец по имени Фидиппид пробежал расстояние 35 километров, отделяющее поле битвы от столицы, произнес слово «Νενίκηκαμεν» – Мы победили! – и тут же умер от истощения сил. Именно этот легендарный забег подарил миру самые знаменитые состязания в беге на длинную дистанцию, стандартная длина которой установлена в 42 километра²⁴.

На самом деле в Афины поспешил не один гонец, а все войско, вновь взявшее город под свой контроль как раз вовремя, чтобы помешать персам подойти с западного берега. Захватчики надеялись, что сумеют обмануть и ошеломить афинян, если высадятся сначала с одной, а затем с другой стороны от города. Афиняне продемонстрировали всему миру, в том числе и своим пораженным соотечественникам-эллинам, что их суматошная демократия вполне способна себя защитить.

²² Такой человек назывался *полемархом* (πολέμαρχος). – *Примеч. перев.*

²³ Геродот утверждает, что совет склонился к противоположной точке зрения, но Мильтиад убедил в своей правоте полемарха Каллимаха, имевшего равный с остальными голос. Это и решило дело. – *Примеч. перев.*

²⁴ Точнее, 42 км 195 м. Легенда о забеге Фидиппида впервые появилась в эссе Плутарха «О славе афинян», написанном в I в. (Плутарх, правда, ссылается на утерянный труд Гераклида Понтийского, жившего в IV в. до н. э.) – *Примеч. перев.*

Некоторые вопросы относительно марафонского сражения до сих пор остаются без ответа. Один из вызывающих наиболее острые дискуссии касается причины, по которой битва началась именно тогда, когда началась, после пятидневного бездействия. Есть две теории, и обе они предполагают наличие тайных сигналов. Одна утверждает, что, как только персидская конница отплыла на юг, ионийские греки, служившие в персидском войске, послали своим афинским родичам ободряющее секретное сообщение. Согласно другой, те афиняне, которые сочувствовали персам, потому что желали возвращения Гиппия и его клана, подавали захватчикам сигналы поддержки в виде световых вспышек или их отражения от горы, возвышающейся над берегом.

Последующие поколения ассоциировали Марафон с двумя героическими забегами. Одним из них был тот самый апокрифический рыбок в Афины с известием о победе. Второе, более надежно зафиксированное в исторических записях свершение приписывают тому же скороходу, Фидиппиду, но относят ко времени, предшествующему великой битве. По словам Геродота, гонец пробежал по горной дороге от Афин до Спарты – расстояние между ними составляло около 250 километров, – чтобы попросить у этого могущественного города помощи. Спартанцы ответили, что в ближайшие дни не смогут выступить в поход из-за религиозного праздника, которое закончится только в полнолуние. Возможно, это была отговорка, хотя спартанцы действительно относились к своей религии очень серьезно. Фидиппид же рассказывал, что встретил в пути гораздо более могущественного помощника – козлоногого бога Пана, который взялся помочь афинянам при условии, что те воздадут ему должные почести. После битвы Пана и в самом деле отблагодарили: ему построили святилище под Акрополем и стали проводить ежегодную церемонию и соревнования по бегу в его честь. За этой легендой скрываются два несомненных факта. Каковы бы ни были причины спартанцев, Спарта действительно отказалась оказать афинянам своевременную помощь. Им пришлось сражаться практически в одиночку, если не считать малочисленного, но храброго отряда, подошедшего из города Платеи. Верно и то, что афиняне чрезвычайно сильно почитали Пана, приписывая ему способность возбуждать во врагах иррациональный ужас, или *панику* (*πανικός*).

Но в более глубоком смысле можно сказать, что при Марафоне произошел всего один героический забег: целеустремленный быстрый марш воинов, гордых и независимых граждан в бряцающих доспехах (которые они добывали себе самостоятельно), наступавших под градом метких стрел. Понять, какая отвага потребовалась защитникам города, можно, лишь посетив марафонский берег и увидев собственными глазами, на сколь малом участке разыгралась вся эта драма. Самым заметным напоминанием о битве служит курган, в котором захоронены 192 афинянина, погибшие в бою. Этот предельно простой, но и предельно красноречивый памятник позволяет понять, почему на протяжении приблизительно двух следующих поколений высшей гражданской доблестью в городе, изобиловавшем самыми разнообразными талантами, считалась служба при Марафоне.

Несмотря на эту поразительную победу, угроза Афинам со стороны восточной империи несколько не ослабла. Всего десятилетие спустя греческому войску, в котором преобладали афиняне, вновь пришлось столкнуться с грозными и численно превосходящими его силами персов. На этот раз сражения происходили на море, а геополитические ставки были еще выше. Хотя персидская коалиция была еще крупнее, чем раньше, ей противостояли объединенные, по меньшей мере на вид, греки: Спарта и ее ближайшие союзники более или менее поддерживали Афины в деле защиты Греции.

Период, предшествовавший этому второму столкновению, был бурным – как в Афинах, так и в Персии. В качестве нового выражения благодарности Афине, главной божественной покровительнице города, за поддержку в битве афиняне начали строить новый храм – Парфе-

нон²⁵. Каким бы ни был вклад Пана, главной защитницей афинян всегда оставалась богиня мудрости. Нужно было отблагодарить и еще одну богиню, Артемиду-охотницу: ей воздвигли храм на реке Илисс, в восточной части Афин. В нем в сентябре каждого года приносили благодарственную жертву за победу при Марафоне – около пятисот коз. Это здание оставалось важной достопримечательностью в течение двадцати трех столетий.

Однако успешный исход Марафонского сражения не внушил склочным гражданам города какого-либо почтения по отношению к их предводителям из числа смертных. Казалось бы, победа должна была обеспечить Мильтиаду положение уважаемого высокопоставленного государственного деятеля. Вместо этого он оказался втянут в судебные разбирательства и оштрафован на огромную сумму, чуть было не доведшую его до разорения.

В Персии пришел к власти новый правитель – сын Дария Ксеркс. Сначала ему пришлось подавить восстание в Египте, но затем он явился в Грецию с экспедиционным корпусом невиданных размеров. Будучи уверен в своем владычестве над величайшей империей мира, он решительно намеревался покорить своей власти и этот мелкий и каменистый клочок земли. Греческому упрямству он противопоставлял не только богатство и военную мощь, но и выдающиеся способности в области логистики и инженерного дела, позволявшие перевозить по суше и по морю людей, лошадей и снаряжение. Для переправы через Геллеспонт, узкий пролив, отделяющий Анатолию от Галлипольского полуострова на южной оконечности Восточной Фракии, был наведен мост из кораблей. Затем километрах в двухстах к западу, в районе полуострова Халкидики, был прорыт канал, пересекавший один из трех мысов, выдающихся на юг в Эгейское море.

По пути к Афинам персы встретили более ожесточенное, чем они рассчитывали, сопротивление в двух местах. Одним из них был стратегически важный горный проход под названием Фермопилы, в котором занял самоубийственную оборону отряд, возглавляемый спартанским царем Леонидом: сотни воинов пожертвовали собой в надежде замедлить продвижение захватчиков. Сходное самопожертвование совершили в точности в том же месте в 1941 г. войска союзников, отступавшие с боями в ходе наступления нацистов на Афины.

В августе 480 г. до н. э., одновременно с последним сражением Леонида, шло трехдневное морское сражение – битва при Артемисии, названная так по имени мыса на севере Эвбеи, – результат которого можно было бы назвать дорогостоящей ничьей. На второй день буря уничтожила большую часть персидского отряда, шедшего к югу вдоль восточного берега острова. Назавтра снова началось сражение, в котором обе стороны понесли тяжелые потери, и греческие силы решили отойти к югу и заманить потрепанного в бою неприятеля в ловушку.

Многих наблюдателей битвы при Артемисии, должно быть, поразил тот факт, что возглавляемому афинянами греческому флоту удавалось сравнительно успешно противостоять неприятелю, превосходившему его по численности даже с учетом ущерба, причиненного бурей. Но в соотношении сил появился новый фактор. Молодая афинская демократия снова получила преимущество благодаря услугам дальновидного стратега, не принадлежавшего к правящим кругам города. Этим новым героем был Фемистокл – человек непостоянный и нетерпеливый, но обладавший живым умом и твердо убежденный лишь в одном: в жизненной необходимости могущества на море.

Учитывая, что Афины разбогатели благодаря заморской торговле, Фемистокл считал, что теперь для защиты свободы своей торговли и самого своего существования от всех посягающих на них необходимо построить сильный флот. В 483 г. до н. э. в серебряных рудниках на юго-востоке Аттики нашли новую жилу. Разгорелись яростные политические споры, в ходе которых Фемистокл убедил город употребить это неожиданно свалившееся на него богатство не на раз-

---

²⁵ Речь идет не о том Парфеноне, который мы знаем сегодня, а о более раннем храме на том же месте, так называемом старом Парфеноне (храме Афины Парфенос). – *Примеч. перев.*

дачу денег гражданам, а на поспешное строительство кораблей. Корабли эти были *триерами* (τριήρης)²⁶, конструкция которых стала стандартной для боевых судов по всему Восточному Средиземноморью. Исходный замысел, возможно, был греческого происхождения, а может быть, был позаимствован у финикийцев, умелых мореплавателей, служивших теперь персидскому царю.

Конструкция этих прославленных судов относится к многочисленным аспектам древнегреческого мира, сведения о которых имеются в изобилии, но точной информации у нас нет. Их название говорит о наличии трех рядов весел с каждого борта, которыми с трудом орудовали в общей сложности 170 гребцов. К моменту решающего столкновения с персами Афины были в состоянии выставить 180 триер; всего греческий флот состоял немногим более чем из 300 судов. В персидском флоте было, как рассказывают, 1200 таких кораблей; вероятно, от трети до половины из них погибли у берегов Эвбеи прежде, чем смогли подойти к афинским территориальным водам.

Остатки потерпевшей кораблекрушение триеры не были найдены ни разу. Мы не знаем, где именно были построены триеры, защищавшие Афины. Зато мы знаем, где они хранились, – и это очень важная информация. Датско-греческая археологическая экспедиция обнаружила в трех природных бухтах Пирея остатки корабельных доков площадью около 100 000 квадратных метров. Некоторые из развалин оказались скрыты современными многоквартирными домами, а некоторые находятся под водой яхтенной стоянки в Зейской гавани. Но теперь, благодаря одной из самых поразительных археологических находок недавнего времени в районе Афин, мы можем представить себе, какая огромная общественная работа требовалась не только для постройки кораблей, но и для предохранения их в мирное время от сильной жары, разбухания от влаги и заражения моллюсками – а любой из этих факторов мог быстро привести их в негодность.

Кроме того, мы многое узнаем об античном кораблестроении из изображений на вазах и письменных источников. Это позволило группе энтузиастов из Греции и Британии построить в середине 1980-х гг. реконструкцию триеры под названием «Олимпия», успешно продемонстрировавшую скоростные и маневренные качества судов такого рода. При переходах между островами они использовали паруса, но в боевых условиях маневрировали только на веслах. Одна триера могла потопить другую, протаранив и разбив неприятельское судно своим огромным металлическим клювом. Для этого требовалось высокое мастерство гребцов, вскоре ставшее одним из козырей Афин.

После Артемисия, когда персидский флот пошел на юг, жители Афин продемонстрировали в ответ на угрозу вторжения самопожертвование и дисциплинированность, сравнимые с теми, которые проявили москвичи, оставлявшие свой город при приближении Наполеона в 1812 г. Фемистокл уговорил большую часть населения Афин покинуть город и укрыться на островах Саламин и Эгина либо в порту Трезена, расположенном к юго-западу от Афин, на противоположном берегу залива Сароникос. Для этого, если верить Геродоту, великому военно-морскому стратегу нужно было убедить сограждан в правильности его собственного толкования загадочного изречения дельфийской жрицы. Хотя афинянам угрожают страшные беды и утраты, сказала она, их защитят «деревянные стены». Фемистокл понял это пророчество так, что граждане города найдут защиту не в наземных укреплениях, а во вновь построенном им флоте.

Ясно, однако, что исход населения не был поголовным. Некоторые, возможно, предпочли остаться в городе по своей воле, а другим, возможно, было приказано остаться. По несколько путаному, но все же информативному рассказу Геродота кажется, что, когда персы приступили к уничтожению священной твердыни, на Акрополе и в его окрестностях оставалось несколько

---

²⁶ Также часто используется латинское название таких судов – *трирема* (triremis). – *Примеч. перев.*

категорий людей. Там были жрицы, охранявшие самые священные места, хотя один из наиболее почитаемых предметов, деревянную статую Афины, заблаговременно увезли. Были и наиболее упорные защитники города, не поверившие в предложенное Фемистоклом толкование пророчества о деревянных стенах. Кроме того, как и при любой поспешной эвакуации, наверняка были и те, у кого не было физических сил бежать.

Штурм Афин возглавил сам Ксеркс. Он велел своим воинам занять позиции на холме Ареопага, рядом с западным склоном Акрополя. Искусные персидские лучники обернули свои стрелы грубой тканью, зажгли их и послали в направлении священной цитадели, надеясь поджечь деревянные укрепления. Но защитники Скалы держались стойко, забрасывая всех приближавшихся к ним камнями и обломками мрамора – предположительно найденными на месте неоконченного строительства. Наконец несколько персов проникли на Скалу, поднявшись от пещерного святилища Аглавры; этот маршрут часто служил путем на самую священную возвышенность города. Некоторые из защитников в отчаянии бросились со Скалы; другие попытались спрятаться.

Добравшись до плато, считавшегося неприступным, персы без разбору перебили тех, кого там нашли, сожгли здания и разбили статуи. Немецкие археологи, проводившие на этом месте раскопки в XIX в., придумали для описания обломков, оставшихся после этой оргии разрушения, в том числе многочисленных великолепных предметов черно- и краснофигурной керамики, посвященных Афине, термин *Perserschutt*, то есть «персидский мусор». Все, что было изготовлено из золота, серебра или бронзы, было переплавлено или по возможности увезено в Персию.

Захватчики не проявили уважения к тому сверхсвященному месту, на котором Афина и Посейдон состязались за право быть верховным покровителем города: они подожгли ту самую оливу, которая, как считалось, выросла по приказанию богини. Откуда они знали, что и где находится на Акрополе? Геродот твердо уверен, что в составе персидского войска были озлобленные афиняне, все еще тосковавшие по временам правления Писистрата и его сыновей. По-видимому, они считали иноземное вторжение лучшим средством восстановить свое собственное господство над городом.

Будь то из собственного подсознательного почтения Ксеркса ко всему священному или из его сочувствия афинским друзьям, но в некоторый момент он, по-видимому, усомнился в своей правоте. Может быть, ему показалось, что святотатство зашло слишком далеко; а может быть, он ощутил потребность восстановить святость Скалы. Как сообщает Геродот, он призвал к себе афинских изгнанников, сопровождавших его войско, и велел им подняться на Акрополь и принести жертву по освященному веками обряду. Вскоре вернувшиеся изгнанники почувствовали, что божественные силы, всегда присутствовавшие в этом священном месте, все еще оставались там:

Эту-то маслину варвары как раз и предали огню вместе со святилищем.

На следующий день после пожара афиняне по приказанию царя пришли в святилище и увидели, что от пня пошел отросток почти в локоть длиной.

Тем временем вести о разрушении великой твердыни потрясли греческие войска, находившиеся неподалеку и готовившиеся отразить наступление персов на суше и на море. Но тактика дальнейших действий стала предметом споров. Военачальники с Пелопоннеса полагали, что больше не имеет смысла сражаться за Афины или даже их ближайшие окрестности. Их интересовала организация последнего рубежа обороны на перешейке, соединяющем огромный полуостров в форме зуба с прочей Грецией. Такой крах эллинского единства привел Фемистокла в ужас. В нескольких лихорадочных совещаниях с прочими греками он употребил все свои способности по части убеждения, манипуляций и уловок, чтобы склонить их к другому мнению.

Афинскому командующему нужно было убедить как персов, так и своих собственных союзников, эллинов, дать бой в узком проливе, отделяющем от материка остров Саламин. Как и при Марафоне, сражение на ограниченном пространстве должно было дать преимущество защищающимся. Подобно нынешнему Марафону, нынешний Саламин пользуется меньшей, чем он того заслуживает, популярностью у туристов. Туда ездят небогатые афиняне, но туроператоры оставляют его без внимания. Однако всякий ступивший на этот остров, до которого можно добраться на пароме из закопченного промышленного порта Пирей, сразу же видит, почему Фемистокл хотел заманить персидский флот именно в этот узкий водный проход.

Добился он этого при помощи, говоря языком специалистов по военному планированию, операции психологического воздействия, столь же изящной, сколь и изобретательной. Один из наиболее доверенных его помощников, некий Сикинн, был отправлен в персидский лагерь, находившийся на материке, с посланием к командующим персами. Послание это было составлено с хитроумным расчетом:

Эллины объаты страхом и думают бежать. Ныне у вас прекрасная возможность совершить величайший подвиг, если вы не допустите их бегства. Ведь у эллинов нет единства, и они не окажут сопротивления: вы увидите, как ваши друзья и враги [в их стане] станут сражаться друг с другом²⁷.

Другими словами, персов уверяли, что они смогут запереть всю склочную греческую коалицию, перекрыв с обоих концов Саламинский пролив. Они начали патрулировать восточную часть пролива и одновременно с этим высадили отряд на островке Пситталия, лежащем в его середине. Они уверенно ожидали, что море вскоре начнет прибывать к берегу этого мелкого клочка земли трупы и обломки судов. Тем временем египетские корабли были отправлены вокруг острова, чтобы перекрыть второй выход из пролива.

Все это было на руку Фемистоклу. Персы были готовы попасть в его ловушку, а у союзных ему греков не оставалось другого выхода, кроме вступления в бой. Ученые до сих пор спорят о том, чем занимались персы в ночь перед этим великим сражением. Возможно, они вошли в пролив в темноте и начали выстраивать корабли для рассветного столкновения с неприятелем, которого они считали деморализованным и дезорганизованным. Либо же они могли остаться вне пролива в ожидании дневного света, который облегчал навигацию.

Титаническая схватка между двумя армадами произошла утром 29 сентября. Ксеркс наблюдал за разворачивающимися событиями с золотого трона, установленного на горе Эгалеи на западном краю Афин. Он ожидал увидеть окончательное торжество войска, которое он с таким трудом привел в Грецию, и окончательное унижение греческого неприятеля, так долго ускользавшего из-под его власти. Однако увидел он нечто совершенно другое. Греческие экипажи (в особенности афинский отряд, занимавший левый фланг) вовсе не были дезорганизованной толпой – это были хорошо отдохнувшие воины, рвавшиеся в бой. Персы же были измождены долгим маневрированием в трудных для мореплавания водах. Ярость афинян, несомненно, разжигал вид дыма, поднимавшегося из их разграбленных домов. Прямо напротив афинян располагались финикийцы, бывшие самыми искусными моряками в войске персов, но даже это не охладило пыла защитников Греции.

Случившееся затем точнее всего изложено в трагедии Эсхила, написанной всего восемь лет спустя. Захватывающее описание битвы вложено в уста гонца, приносящего вести о ней потрясенной персидской царице Атоссе. Этот рассказ – кульминация пьесы «Персы», единственной сохранившейся греческой трагедии, полностью посвященной современным, а не мифическим событиям:

---

²⁷ Геродот. Указ. соч.

И ночь минула. Но нигде не сделали
Попытки греки тайно обойти заслон.
Когда же землю снова белоконное
Светило дня сияньем ярким залило,
Раздался в стане греков шум ликующий,
На песнь похожий. И ему ответили
Гремящим отголоском скалы острова ...
... Не о бегстве греки думали,
Торжественную песню запевая ту,
А шли на битву с беззаветным мужеством,
И рев трубы отвагой зажигал сердца.
Соленую пучину дружно вспенили
Согласные удары весел греческих,
И вскоре мы воочью увидали всех.
Шло впереди, прекрасным строем, правое
Крыло, а дальше горделиво следовал
Весь флот. И отовсюду одновременно
Раздался клич могучий: «Дети эллинов,
В бой за свободу родины! Детей и жен
Освободите, и родных богов дома,
И прадедов могилы! Бой за все идет!»²⁸

Этот утренний боевой гимн Аполлону остался в истории эллинов выражением дикого коллективного буйства, воплем иррационального восторга, вызванного участием в защите всего самого прекрасного и драгоценного, каковы бы ни были шансы на успех²⁹. Слова его, разумеется, можно подвергнуть критической деконструкции. Каким бы ни был исход битвы при Саламине, жен афинских граждан, сражавшихся там, в современном понимании никак нельзя было назвать свободными. Да и деньги, на которые были построены их свежеукрашенные суда, были заработаны не свободными людьми, а рабами, занятыми тяжким трудом по добыче серебра.

С другой стороны, гребцы, изо всех сил устремлявшие свои корабли на врага, были людьми свободными в смысле, едва ли понятном в каком-либо другом месте древнего мира. Они были гражданами, наделенными правом голоса в делах своего города. Они были сознательными участниками цепочки решений, приведшей их в воды, в которых их общество сражалось за само свое существование. О моряках, сражавшихся на стороне персов, в том числе ионийских греках, нельзя было сказать ничего подобного. Они подчинялись прихотям самодержца, который мог быть милостивым или жестоким.

Вот как описывает Эсхил дальнейшие события:

Персидской речи нашей многоустый гул
На клич ответил. Медлить тут нельзя было,
Корабль обитым медью носом тотчас же
В корабль ударил. Греки приступ начали,
Тараном финикийцу проломив корму,
И тут уж друг на друга корабли пошли.

---

²⁸ Пер. с др. – греч. С. Апта. Здесь и далее цитаты из Эсхила приводятся по: Эсхил. Трагедии. М.: Искусство, 1978. (Серия «Античная драматургия. Греция».)

²⁹ Самый известный случай повторения этого боевого клича в наше время – его использование греческим диктатором Иоаннисом Метаксасом при выступлении греческой армии против войск фашистской Италии в 1940 г. в Албании.

Сначала удавалось персам сдерживать
Напор. Когда же в узком месте множество
Судов скопилось, никому никто помочь
Не мог, и клювы направляли медные
Свои в своих же, весла и гребцов круша.
А греки кораблями, как задумали,
Нас окружили. Моря видно не было
Из-за обломков, из-за опрокинутых
Судов и бездыханных тел, и трупами
Покрыты были отмели и берег сплошь.
Найти спасенье в бегстве беспорядочном
Весь уцелевший варварский пытался флот.
Но греки персов, словно рыбаки тунцов,
Кто чем попало, досками, обломками
Судов и весел били. Крики ужаса
И вопли оглашали даль соленую,
Покуда око ночи не сокрыло нас.

В разгар этой ужасной битвы происходили самые странные вещи. Геродот признает, что моряки персидской стороны по большей части держались храбро, возможно, потому что знали, что на них смотрит их царь. Вероятно, единственной женщиной, командовавшей кораблем, была царица города-государства Галикарнаса Артемисия. Когда за ней погналось греческое судно, она протаранила одну из триер своих же союзников, так что ее преследователи решили, что она, должно быть, перешла на их сторону, и оставили ее в покое. Ксеркс одобрил такое притворное предательство, заметив: «Мужчины у меня превратились в женщин, а женщины стали мужчинами».

Финикийцы попытались внушить царю, что поражение – признак измены их ненадежных союзников, ионийских греков. Но Ксеркс, наблюдая за сражением, пришел к другому выводу. Увидев, что его ионийские подданные, которые были опытными моряками, сражались храбро, он казнил некоторых из финикийских клеветников.

Можно предположить – и вполне основательно, – что два центральных элемента истории Саламина (дезинформация, столь искусно распространенная Сикинном, и радостный боевой клич греческого флота) – всего лишь художественный вымысел. Но это не отменяет того важнейшего факта, что находчивость, лживость и обаяние Фемистокла позволили ему добиться, чтобы битва произошла так, как ему хотелось, именно в том месте, где у его неопытного флота было больше всего шансов на победу. И уж конечно, не будет ошибкой считать боевой клич афинян коллективным кличем решимости и уверенности в своих силах недавно установившегося политического сообщества, лучшие дни которого были еще впереди.

Нынешний Саламин – это не аккуратный мемориальный парк, а беспорядочное нагромождение всякой всячины. Курган, насыпанный в память сражения, окружен крупными и мелкими судоремонтными мастерскими, и власти острова явно не справляются с уборкой мусора, который оставляют там приезжающие на однодневные прогулки или в отпуск афиняне. Лишь немногие из иностранцев задерживаются на острове на время, достаточное, чтобы полюбоваться его замечательным маленьким музеем или девственным лесом в его южной части. Но с возвышенности на восточной стороне острова можно посмотреть на Афины, представить себе дым, поднимающийся с Акрополя, а также трупы и обломки кораблей, усеивающие море, и быстро осознать, что именно в этом месте история совершила судьбоносный поворот.

3

Золотые годы (479–432 до н. э.)

Союз городов-государств разбивает персов при Платеях в 479 г. до н. э., заканчивая второе персидское вторжение в Грецию. – Афиняне строят вокруг города защитные стены. – Кимон, а затем Перикл возглавляют Афины. – Остракизм как руководство по афинской политике. – Успехи Афин в местных и дальних войнах. – Демократический проект строительства Парфенона. – Дебаты о фризе Парфенона и его мифологическом смысле

Простым афинянам, которым предстояло заново отстроить почти полностью уничтоженный город, будущее, должно быть, казалось сомнительным. Война нанесла им, особенно детям, глубокую и долго не заживающую рану. Они прятались на острове Саламин или в другом безопасном месте, глядя, как от святейшей скалы города поднимается в синее небо Аттики дым. Несомненно, некоторые из них тайно поклялись восстановить честь Афин, когда вырастут. Как оказалось, они стояли на пороге полувека, считавшегося позднейшими поколениями вершиной развития греческой цивилизации, славных лет, в течение которых Афины были признанным светочем среди эллинских городов. Но в то время никто об этом не догадывался.

Саламин доказал, что персы при всем их богатстве, всей их численности, всей их умудренности вовсе не непобедимы на море. Более того, теперь Афины могли уверенно претендовать на роль ведущей морской державы среди греков. Но для устранения непосредственной угрозы сердцу эллинского мира потребовалась еще одна битва. Она произошла летом 479 г. до н. э. к северу от Афин, вблизи беотийского города Платеи. Именно отсюда происходили храбрые мужи, бывшие единственными союзниками афинян при Марафоне.

Предыдущей зимой Ксеркс и его свита убрались из Греции; с ними ушли и многие войска, но остался военачальник Мардоний, а с ним – силы, казавшиеся достаточными, чтобы обеспечить заслуженное наказание греческих противников царя. Войска, оставшиеся под началом Мардония, поражали своим разнообразием: там были воины из Центральной и Северной Греции (из Фив и окружающей этот город Беотии, а также из Фокиды, Фессалии и Македонии) и конница из самых дальних стран Востока, вплоть до Индии и Бактрии (нынешнего Афганистана).

Мардоний разбил укрепленный лагерь на местности, удобной для его конницы. Большое войско греческой коалиции, в которую входили спартанцы, афиняне и другие, осаждало его стан в течение одиннадцати дней, а затем начало отступать. Персы стали его преследовать, и в этот момент греки развернулись и вступили в бой, в котором они нанесли тяжелый урон легковооруженной персидской пехоте и убили самого Мардония. Персы, оставшиеся в лагере, были окружены и перебиты. Каким бы ни было отступление греков, истинным или притворным, персы уже не в первый раз переоценили расстройство в рядах неприятеля. Их поражение устранило внешнюю угрозу материковой Греции – во всяком случае, на пару поколений.

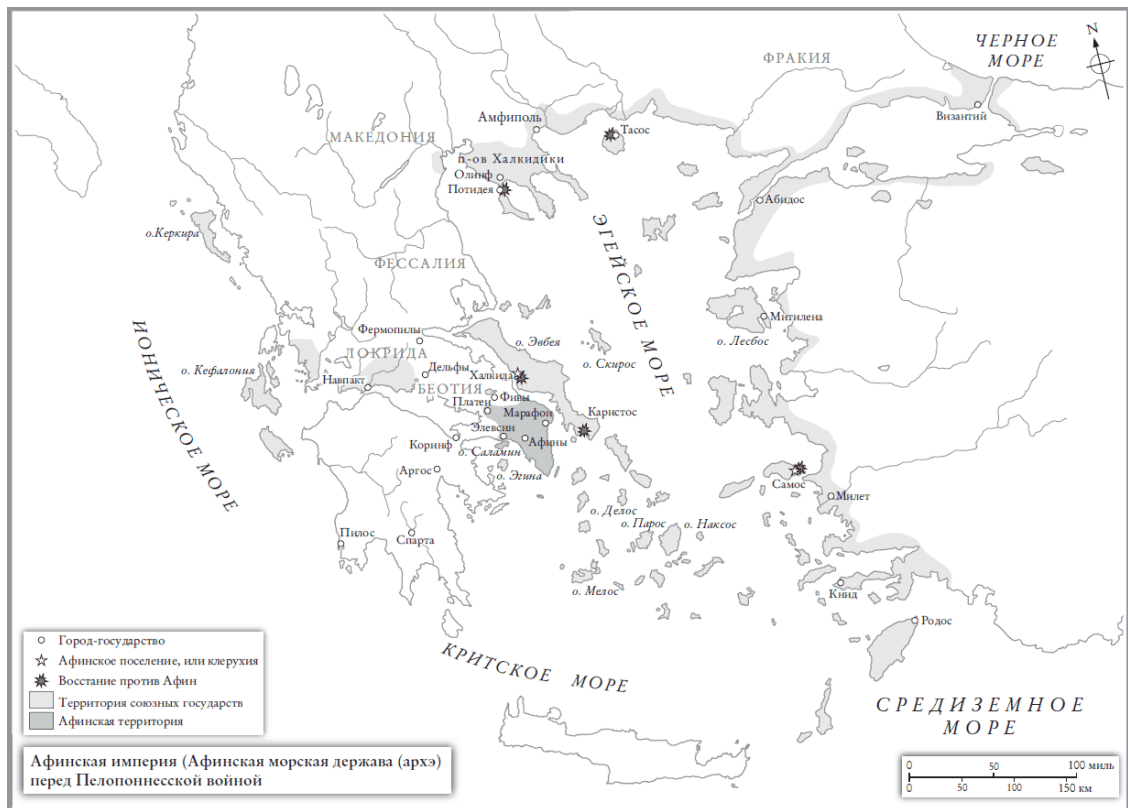
Кроме того, в сражениях при Саламине и при Платеях закрепилось своего рода разделение труда между Спартой и Афинами. Спартанцы, обеспечившие победу при Платеях, утвердились в положении сильнейшей сухопутной державы Греции; афинянам же хитроумная тактика, использованная при Саламине, помогла закрепить превосходство на море. Такое положение вещей могло стать основой для неустойчивого, но все же сосуществования. Некоторые выдающиеся деятели в обоих городах надеялись, что так и будет. Если бы два города-государства и дальше действовали самостоятельно, у них была бы возможность достичь взаимоприемлемого симбиоза.

Но ситуация осложнялась по мере того, как каждый из них становился ядром крупного, неустойчивого союза. Интересы двух блоков неизбежно должны были столкнуться. Иногда нарушителями спокойствия становились мелкие союзники – точно так же две с половиной тысячи лет спустя малые страны маневрировали между американским и советским лагерями, используя к собственной выгоде противостояние периода холодной войны. В середине V в. до н. э. почти ни одного года не проходило без того, чтобы Афины ни с кем не воевали, шла ли речь о стычках с другими греческими городами, навязывании своей воли непослушным союзникам или использовании удобных возможностей потрепать персов в каких-нибудь отдаленных местах. Тем не менее благодаря Марафону, Саламину и Платеям афиняне могли быть уверены, что существованию самой их родины ничто не угрожает.

В военных судьбах города бывали взлеты и падения, не обходилось и без многочисленных неудач. И все же, подобно Соединенным Штатам до 2001 г., Афины ощущали все большую уверенность в неприступности их собственной территории. По мере роста могущества и мастерства афинского флота город получал возможность отстаивать свои интересы вплоть до самых окраин известного мира, не опасаясь собственного уничтожения. Благодаря усиливающемуся ощущению безопасности росло экономическое и геополитическое влияние Афин, множились их культурные и научные достижения, все изощреннее становилась их энергичная внутриполитическая деятельность. Некоторые из афинян испытывали парадоксальное восхищение железной самодисциплиной спартанцев, но их собственный живой дух создавал совершенно иную атмосферу, атмосферу неукротимой свободы. В течение этой так называемой пентеконтаэтии – пятидесятилетия – не утихала борьба за власть внутри самого города, как и борьба между Афинами и их соперниками, и разобраться в событиях этого времени бывает непросто даже исследователям, посвятившим изучению мельчайших их подробностей всю свою жизнь в науке. Существуют два главных письменных источника информации об этом периоде. Первый из них – великий историк Фукидид, бывший почти, но все же не вполне современником событий: он родился через пару десятилетий после великих побед над персами. Второй источник – это живо написанные биографии Плутарха, который жил на 500 лет позже, но писал с уверенностью и непосредственностью, заслуживающими уважения. У обоих этих авторов были свои пристрастия. По счастью, однако, у нас есть возможность сопоставлять сведения, изложенные в их трудах, с археологическими находками, сделанными в течение прошлого века.

Фукидид описывает яркий пример афинских махинаций, относящийся ко времени непосредственно после поражения персов. Его рассказ позволяет почувствовать, какая глубокая пропасть быстро образовывалась между двумя главными городами Греции. Когда спартанцы увидели, что афиняне восстанавливают и расширяют свои фортификации, они заподозрили недоброе. Фемистокл, все еще бывший предметом восхищения всего греческого мира в связи с той ролью, которую он сыграл при Саламине, отправился в Спарту, якобы чтобы уверить спартанцев в благовидности афинских намерений. Но там он стал тянуть время, утверждая, что переговоры нельзя начинать, пока в его делегации не хватает некоторых высокопоставленных афинян. Это затягивание переговоров было частью его плана. Пока спартанцы ждали, афинские женщины и дети лихорадочно трудились на постройке стен из любых материалов, какие попадались им под руку; их не заботило даже, что в дело шли произведения искусства. Вот что пишет Фукидид:

Что постройка стен производилась поспешно, можно видеть еще и теперь: нижние слои их состоят из всевозможных камней, в некоторых частях даже не обделанных для укладки, а в том виде, в каком приносили их в отдельности. В стену было вложено множество надгробных стел и обделанных для других целей камней ...

Некоторые из этих «скульптурных фрагментов» были обнаружены в 1922 г. В их число входит произведение, известное под названием «Хоккеисты», – мраморный рельеф, изображающий двух юношей с клюшками с загнутыми концами, пытающихся завладеть мячом; за ними наблюдают две пары друзей, стоящие по обе стороны от игроков. Этот завораживающий снимок жизни около 510 г. до н. э. украшал постамент надгробной статуи, предположительно состоятельного молодого человека. В число других высокохудожественных произведений, которые запихнули между грубо обделанных камней, входит пара сфинксов коварного и таинственного вида, обнаруженных только в 2002 г. при проходке туннелей для афинского метро.

Но для города, неистово стремившегося обеспечить собственную защиту, важна была только прочность этих предметов, а не их красота. Сами стены, в точности такие импровизированные, какими описывает их Фукидид, можно увидеть в нескольких точках нынешних Афин – на кладбище Керамика (где их можно сравнить со стенами других эпох) и в подвалах обычных современных зданий, например банка на улице Эолу.

Когда афинские руководители наконец прибыли в Спарту, они шепнули Фемистоклу, что стены уже пригодны к обороне, и он передал эту неприятную новость спартанцам. Еще до этого он позаботился, чтобы несколько спартанцев остались в Афинах заложниками, чтобы обеспечить безопасное возвращение его делегации. Спартанцам пришлось смириться со свершившимся фактом и позволить гостям уехать восвояси.

Город, защищенный этими надежными укреплениями, мог процветать и расти. Постепенно – до совершенства – оттачивалось мастерство в сферах кораблестроения и войны на море. Все более утонченными становились театральные, музыкальные и танцевальные представления. У кораблестроения и культурных мероприятий была одна общая черта: и то и другое требовало добровольного сотрудничества сотен людей, а также совместного использования общественных средств и частных пожертвований. Такого рода совместная деятельность стала отличительной особенностью города. Тем временем Афины распространяли свое господство

на десятки меньших городов, особенно в Эгейском море и на анатолийском побережье, используя для этого как свой престиж, так и грубую силу.

Возможно, самой заметной чертой афинской жизни, отличавшей Афины от всех прочих государств, существовавших ранее, было вот что: в Афинах на самом деле существовало то, что можно назвать политическими дискуссиями с непредрежденными результатами. Общественные и личные вопросы разрешались путем открытого обсуждения, в котором мог сказать свое слово каждый гражданин. Тем, кто хотел занять высокую должность или повлиять на принятие решений, приходилось полагаться на убедительность своих доводов в дебатах, исход которых не был определен заранее. Победители добивались своего не заискиванием перед капризным самодержцем и не сбором вооруженных шаек для запугивания оппонентов. Нужно было убеждать, и никто не знал заранее, кто из спорящих окажется убедительнее. Политический процесс был открытым и осознанным. Граждане занимались своими делами в соответствии с определенными, общепризнанными правилами. Также подразумевалось, что эти правила могут быть изменены, но и это могло произойти только в соответствии с тщательно прописанной процедурой.

Первые десятилетия после Саламина стали временем некоторых эпизодов наиболее беспощадной борьбы за власть между ведущими военачальниками и политиками города. То были мужчины в высшей степени самолюбивые и остро ощущавшие обиды, причиненные их предкам. Соперничество между величайшими семействами могло не утихать на протяжении многих поколений, в точности как это происходит в нынешней греческой политике. Но в отличие от предыдущего столетия, в котором претенденты на власть в Афинах организовывали перевороты и вторжения с иностранной помощью, эта борьба за власть велась в общепризнанных рамках. Политические бои, разгоревшиеся после Саламина, так или иначе не выходили за рамки афинской политической системы. Начиналось формирование правового государства в современном понимании этого термина.

Действия любого человека, стремившегося достичь верховной власти, были ограничены несколькими факторами. Одним из этих ограничений была растущая власть собрания свободных граждан мужского пола, согласие которого было необходимо для принятия любого важного решения в сферах внутреннего управления или ведения войны. (В первые два десятилетия после Саламина противовесом этой власти служила власть ареопага, совета отставных должностных лиц, среди которых преобладали представители старых богатых семейств.)

Другое ограничение накладывала система правосудия, кажущаяся из нашего времени смехотворно простой и в то же время парадоксально запутанной. Все дела разбирались судом присяжных, которых отбирали по жребию из числа афинских граждан, предложивших свои услуги и получавших за эту службу плату. Процесс отбора присяжных был таким сложным, что довести дело до суда бывало почти что невозможно. Все обвинения были частными; не было ни профессиональных адвокатов, ни государственных прокуроров. В период, когда такая афинская демократия действовала лучше всего, в ней существовала система отчетности, которой позавидовали бы многие из нынешних несовершенных государств. Хотя государственные должности по большей части распределялись по жребию, исполнители самых важных из них (в особенности предполагавших распоряжение крупными суммами из общественных фондов) определялись на ежегодных выборах. Такие должностные лица могли быть привлечены к ответу в связи с исполнением ими своих должностей. Однако эта система не была свободна от злоупотреблений. Одним из самых простых способов осадить человека, достигшего чрезмерного могущества, было привлечь его к суду за растрату общественных средств или военную некомпетентность, и надуманные обвинения входили в число популярных политических приемов.

Третьим инструментом политической борьбы был остракизм, необычный и поразительный элемент афинской системы. Работала эта процедура следующим образом. В начале каж-

дого года на голосование избирателей ставился вопрос о том, улучшится ли общественная атмосфера в случае изгнания одного неприятного им деятеля. Если ответ был положительным, два месяца спустя проводился опрос о непопулярности, и человек, набравший в нем больше всего голосов, должен был покинуть город сроком на десять лет. Эта система успешно просуществовала около семидесяти лет, совпавших с золотым веком афинской демократии. Мы знаем об остракизме не только от древних писателей, но и по материальным свидетельствам – керамическим черепкам, на которых простые афиняне выцарапывали имена тех, чьего изгнания из города они хотели добиться. Название «остракизм» происходит от слова *остракон* (ὄστρακον), обозначающего те самые черепки, на которых граждане выписывали имена.

За последний век было найдено около 11 000 остраконов. Подавляющее большинство, около 9000, нашли в одном и том же месте немецкие археологи, проводившие раскопки в конце 1960-х гг. Черепки были свалены в кучу на дне реки, пересохшей в результате строительства стен. Насколько мы можем восстановить эту процедуру, часть Агоры отгораживали канатами, причем устраивали отдельные входы для всех десяти фил. Затем граждане опускали в сосуды черепки, на которых были написаны имена тех, кого они хотели изгнать. За подсчет голосов отвечали городские сановники – архонты; это укрепляло доверие к процедуре. Люди влиятельные могли организовывать кампании за остракизм своих противников, но в этом процессе было и нечто случайное и непредсказуемое. Граждане могли голосовать за изгнание кого угодно, по каким угодно причинам. Некоторые остраконы были настоящими произведениями искусства. На одном из них надпись мастерски выжжена с использованием техники чернофигурной керамики, на другом записан поэтический отрывок. Однако в большинстве своем они были кустарными, и в них часто встречались ошибки и непристойности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.